RUSSIAN ARBITRATION ASSOCIATION

RU/EN

Arbitration.ru №6 (30)
November-December 2021

Arbitration.ru

Издание о международном арбитраже

Выбор арбитра // Choice of Arbitrator

Аналитика

Факторы выбора арбитра

Проблема предвзятости арбитра

Конфликт интересов в небольших государствах

Обзор

XIII Конференция АВА

Интервью

Максим Кульков. Сергей Усоскин. От первого назначения – к успеху

English section

- Year 2021 for Russia and CIS-related Arbitration
- New Research on ICSID Annulment Proceedings
- John Beechey CBE and Alexis Mourre on First Appointment and Success

Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in Russia and Former USSR States

EDITED BY
ROMAN ZYKOV

Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in Russia and Former USSR States is the first full-scale commentary in English that aims at analysing the application of the New York Convention in Russia and Former USSR states. Pre-order your copy of the book *here*

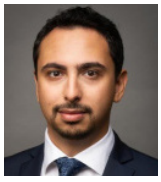
EDITORIAL BOARD

Dmitry Artyukhov
Arbitration.ru, Editor-in-chief, Moscow

Steven Finizio
WilmerHale, Partner, London

Ekaterina Grivnova
International arbitration lawyer,
Allen & Overy, Paris

Glenn P. Hendrix
Chair, Arnall Golden Gregory LLP, Atlanta



Yan Kalish
Co-chair, The Arbitration Association
40 (RAA40)
Counsel, RGP, Moscow

Alexandre Khrapoutski
Arbitration Association,
Vice Chairman of the Board,
Lex Torre, Partner, Minsk

Anastasia Konovalova
Arbitration.ru,
Editorial Assistant, Moscow

Vladimir Khvalei
Arbitration Association,
Chairman of the Board, Moscow

Lilia Klochenko
RAA, Member of the Board, Vienna

Yarik Kryvoi
Director of the Investment Treaty Forum,
British Institute of International
and Comparative Law, London

Olena Perepelynska
Integrites, Partner, Kyiv

Galina Zukova
ZUKOVA Legal, Partner, Paris

Roman Zykov
Russian Arbitration Association,
Secretary General, Moscow

ARBITRATION ASSOCIATION

На обложке: «Заголовки». Коллаж, смешанная техника. Дмитрий Артюхов, Андрей Протасевич.
On the cover: "Headlines". Mixed media. Dmitry Artyukhov, Andrey Protasevich.

Журнал Arbitration.ru № 30,
ноябрь-декабрь 2021
Учредитель и издатель:
Арбитражная Ассоциация
Адрес учредителя и издателя:
115191, Москва, Россия,
Духовской переулок, 17, стр. 12, этаж 4
+7 (495) 201-29-59

Главный редактор:
Дмитрий Артюхов
editor@arbitrations.ru

Ассистент редакции:
Анастасия Коновалова

Корректор:
Татьяна Левицкая

Возрастное ограничение 16+.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Издание является информационным. Опубликованные в издании законодательные акты, решения судов и другие юридические документы могут изменяться и должны быть запрошены через соответствующие институты и ведомства.

CONTENTS / СОДЕРЖАНИЕ

English section

REVIEW

6 **VIEWS FROM THE EAST: UPDATES AND TRENDS FROM RUSSIA AND CIS-RELATED ARBITRATION**
Daniel Hayward, Fieldfisher

ANALYTICS

11 **SUCCESS OF ICSID ANNULMENT PROCEEDINGS: NEW EMPIRICAL EVIDENCE**
Yarik Kryvoi, British Institute of International and Comparative Law

14 **THE U.K. SUPREME COURT CLARIFIES AN ARBITRATOR'S DUTY OF DISCLOSURE: HALLIBURTON V CHUBB**
Matteo Angelini, Charlie Caher, Wilmer Cutler Pickering Hale and Dorr LLP, London

18 **MEMBERS' INDEPENDENCE AND IMPARTIALITY UNDER FIDIC 1999/2017 DAB/DAAB EDITIONS. A COMPARATIVE VIEW**
Cremona Ana Maria Cotovelea, LL.M, Romania

26 **HOW CAN JUS MUNDI BE HELPFUL TO THE PARTIES FROM THE FORMER USSR/CIS STATES SEARCH FOR AND APPOINIT ARBITRATORS?**
Hanh Huynh, Sneha Ashtikar, Jus Mundi

INTERVIEW

31 **QUOTE. JOHN BEECHEY CBE, ALEXIS MOURRE**
Arbitration.ru

ИНТЕРВЬЮ

32 **ЦИТАТА. МАКСИМ КУЛЬКОВ, СЕРГЕЙ УСОСКИН**
Arbitration.ru

АНАЛИТИКА

34 **ПРОБЛЕМА ПРЕДВЗЯТОСТИ АРБИТРА**
Константин Кроль, FCIArb, Dentons

38 **ПРЕДОТВРАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРЕОДОЛЕТЬ: ПРОВЕРКА ВОЗМОЖНОЙ ПРЕДВЗЯТОСТИ АРБИТРА НА ЭТАПЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТРИБУНАЛА**
Татьяна Невеева, АБ «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры», Москва

42 **РУССКИЙ «СВЕТОФОР»: НУЖНЫ ЛИ ДРУГИЕ ЦВЕТА? ЗАЧЕМ В РОССИИ СТАНДАРТЫ НЕЗАВИСИМОСТИ АРБИТРОВ, ОТЛИЧНЫЕ ОТ МЕЖДУНАРОДНО ПРИЗНАННЫХ?**
Владимир Хвалей, председатель РАА, партнер Baker McKenzie, Москва

48 **КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В НЕБОЛЬШИХ ГОСУДАРСТВАХ**
Тимур Сысуев, Минская областная коллегия адвокатов, доцент юридического факультета БГУ

51 **ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АРБИТРАЖНЫХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВ В СФЕРЕ КИБЕРСПОРТА**
Борис Карпычев, РАА

ОБЗОР

55 **ОБЗОР XIII КОНФЕРЕНЦИИ АВА: РАЗРЕШЕНИЕ КОММЕРЧЕСКИХ СПОРОВ С УЧАСТИЕМ СТОРОН ИЗ СТРАН СНГ**
Дмитрий Артюхов, главный редактор Arbitration.ru

АНОНС

64 **СТУДЕНЧЕСКИЙ КОНКУРС «МОДЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА» – 2022**

EDITOR'S LETTER

Arbitration provides the parties to a dispute with the freedom to appoint a person who will resolve their dispute and thus differs significantly from a court system where a judge is assigned by the state. This freedom must be exercised wisely.

This is where the throes of choice begin. As the Germans say, Wer die Wahl hat, hat die Qual, "he who chooses suffers." After all, the arbitrator must be experienced, educated, and understand the specifics of the dispute. And also – he must be independent and impartial, conduct the proceedings proactively, be polite with the parties and at the same time have the time, desire and energy to resolve the dispute. In addition, it would be nice if we liked his or her looks: as scientists have proved, we tend to trust the people who appear attractive to us more. In short, the wish list can be endless.

And then the time comes to descend from heaven to earth: renowned arbitrators well-known in the legal community may be conflicted out, too busy with other cases, or their fees may turn out to be exorbitant.

Where, then, should a party look for a suitable candidate? The old-fashioned way, studying the lists of arbitrators recommended by arbitration institutions, or searching in the new electronic designated databases? How does the first appointment happen ("It's a match!")? What are the objective requirements for the impartiality of arbitrators today? The authors of the 30th anniversary issue of Arbitration.ru shed light on this and many other issues.

Merry Christmas and Happy New Year 2022!

Третейское разбирательство предоставляет сторонам спора возможность самим определить арбитра, который будет разрешать их спор, чем значительно отличается от государственного правосудия. И воспользоваться этой возможностью нужно с умом. Здесь и начинаются муки выбора. Как говорят немцы, Wer die Wahl hat, hat die Qual, «кто выбирает, тот и страдает». Ведь нужно, чтобы арбитр был опытным, образованным, разбирался в специфике спора. А еще – чтобы был независимым и беспристрастным, активно вел процесс, был вежливым со сторонами и при этом располагал временем, имел желание и энергию рассматривать спор. Кроме того, было бы неплохо, чтобы арбитр понравился нам внешне: как доказали ученые, людям, которые нам симпатичны, мы доверяем больше. Одним словом, список пожеланий может быть бесконечным.

И тут настает время спуститься с небес на землю: титулованные, известные в юридическом сообществе арбитры могут быть «законфликтованы» разрешением других споров с участием тех же сторон, заняты другими делами (во всех смыслах этого слова), или же их услуги могут оказаться космически дорогими.

Где в таком случае искать «своего», подходящего специалиста – по-старинке, в списках арбитров, рекомендованных арбитражными институциями, или в новых электронных правовых базах? Как происходит первое назначение (It's a match!)? Какие объективные требования к непредвзятости и беспристрастности арбитров предъявляются сегодня? Об этом и о многом другом расскажут авторы юбилейного, 30-го номера Arbitration.ru.

Поздравляем наших дорогих читателей и авторов с Новым годом и Рождеством!

VIEWS FROM THE EAST: UPDATES AND TRENDS FROM RUSSIA AND CIS-RELATED ARBITRATION

Fieldfisher

Daniel Hayward
International Disputes Partner, Committee member of the Russian and CIS Arbitration Network (RCAN) Fieldfisher

Russia and CIS-related arbitration and litigation cases, notorious for their complexity, size and often politically challenging contexts, continue to feature heavily in Western courts and international arbitral tribunals. Here, we consider changes in practice, sentiment and regulation in the arbitration community and discuss perennial difficulties with operating and funding claims, as well as recognition and enforcement of awards, based on a discussion between leading arbitration experts during an event co-hosted by Fieldfisher and RCAN as part of Paris Arbitration Week 2021.

Russia's new arbitration code: Arbitrating with sanctioned parties

In mid-2020, Russia amended its Arbitrazh (Commercial) Procedure Code to allow sanctioned Russian parties to bring claims before Russian courts, instead of resorting to international arbitration or foreign courts.

The revised code made it possible to obtain anti-suit injunctions from Russian courts to prevent foreign arbitral proceedings, which was a novel development in Russian civil procedure.

Many in the international arbitration community were anxious to see how this new legislation would be interpreted, as there had previously been evidence of Russian parties using sanctions as an excuse for not respecting international arbitration clauses in their contracts.

So far, to the relief of many in the international arbitration community, it seems Russian courts have interpreted the code fairly restrictively.

In the widely reported Uraltransmash case[1] decision in March 2021, the Russian Supreme Court found that arbitration clauses in contracts with sanctioned Russian parties are only invalidated when sanctions render them impossible (and not merely more difficult) to perform.

However, on 29 September 2021, the Russian Supreme Court accepted the case for reconsideration, so it is now possible that it will overturn the decisions leading up to this conclusion, reigniting concerns about the interpretation of the code.

The amended code also raises questions about how foreign courts will deal with anti-suit injunctions rendered in Russia

[1] *The Supreme Court of Russia ruling available (in Russian) here: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/99ce7aa2-7f06-4615-baa5-94473b980771/823b8354-85a2-4276-8f09-8d8a5c4ef106/A60-36897-2020_20210528_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (Accessed 10.12.2021).*

and how, if arbitrations proceed abroad despite injunctions, parties can enforce awards in Russia.

Practitioners should therefore be aware of the amended Arbitrazh (Commercial) Procedure Code when drafting contracts with sanctioned parties.

Arbitrating in Russia: Licensing arbitral institutions

Adding to upheaval in the Russian arbitration system, major reforms to Russia's arbitration laws and arbitral institutions in 2015-2016 have created some turmoil.

The reforms were intended to modernise the country's legal framework by bringing it in line with the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration 1985 as amended in 2006 (the UNCITRAL Model Law 2006).

As part of this overhaul, a new government licensing system was introduced for domestic and international Russian arbitral institutions to give licensees the status of 'permanent arbitral institutions' (PAIs).

The principle professed purpose of these licences was to combat suspected corruption in so-called 'pocket' arbitral institutions (usually set up by companies that induced their counterparties to refer disputes to such institutions) and generally make Russia a more arbitration-friendly jurisdiction.

The new system was also intended to prevent Russian institutions registered abroad from circumventing the licensing process.

To obtain a licence, an arbitral institution must be established by a reputable non-profit organisation with sufficient financial resources to meet the costs of running arbitrations. As of September 2021, there were five Russian institutions licensed to administer arbitrations in Russia (as opposed to more than 1,000 before the reforms).

These are: the International Commercial Arbitration Court (ICAC) and Maritime Arbitration Commission (MAC) at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation; the Arbitration Centre at the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs; the Russian Arbitration Centre at the Russian Institute of Modern Arbitration (RIMA); and the National Centre of Sports at the Sports Arbitration Chamber.

Questions have been raised about the policy for awarding licences, however, as the highly-respected and fully independent Russian Arbitration Association (RAA) has had its applications repeatedly turned down.

International institutions have also been incentivised to apply for licences, primarily because awards made under the auspices of foreign centres in Russian territory are considered to have been rendered by ad hoc tribunals (ad hoc arbitration being subject to certain restrictions under Russian law).

As of 2021, there are four foreign licensed institutions able to administer international arbitrations seated in Russia, namely: the Hong Kong International Arbitration Centre (HKIAC) and the Vienna International Arbitral Centre (VIAC); the International Court of Arbitration of the International Chamber of Commerce (ICC) and the Singapore International Arbitration Centre (SIAC)

A number of major institutions have not yet applied for a licence, including the London Court of International Arbitration (LCIA) and the Stockholm Chamber of Commerce (SCC), despite regularly dealing with cases involving Russian parties. One of the reasons put forward for this, at the time, is that operating under a licence would impose an obligation on these institutions to adopt a separate set of rules specific to corporate disputes.

Yet, under Russian law, such rules are required to contain particular provisions relating to the transparency of proceedings and notification of non-party interests, which could potentially make arbitration under those rules quite unattractive to some Russian parties.

Compliance with investment treaty awards: Surprises in Ukraine

Since 2019, arbitration practitioners have observed that enforcement risk has risen to the top of the agenda in negotiations with third party funders.

This trend has been particularly noticeable in cases involving claims under investment treaties against CIS countries, especially Ukraine.

Until relatively recently, enforcement was a secondary consideration for funders, ranking behind concerns such as the strength of the *prima facie* case, the clarity of jurisdictional basis and the nature of the breach.

This poses a dilemma for arbitration lawyers, who typically find it difficult to say with any certainty how an award will be treated by a particular state and what the process of enforcement will be in three or four years' time, pending the conclusion of any arbitral proceedings.

In cases involving sovereign states, finding non-sovereign assets in jurisdictions that will respect arbitral awards has always been challenging, and statistical analysis of how awards have been treated by states, based on public information, can be unhelpful when trying to convince funders to support a claim.

Much published analysis appears to indicate that frequently sued states like Ukraine have a poor record in complying with adverse awards in investment treaty arbitrations.

However, such analysis typically fails to capture what may in fact be surprisingly high, but poorly documented, levels of voluntary compliance.

Ukraine has reportedly adopted an unofficial policy of complying promptly with awards against the state, unless there is a defect with the award. This is subject to the stipulation that the award must be confirmed in Ukraine, rather than seeking assets in other jurisdictions.

Another frequently overlooked detail is that Ukrainian courts operate in a prompt and predictable manner. Anecdotally, it is understood that in about half of cases, simply filing the litigation to confirm the award has resulted in settlements. In most of the remaining cases (with the notable exception of the highly politicised Tatneft dispute[2]), a first instance decision was sufficient to enforce the award. Ukraine is something of an outlier in the Russia/CIS and wider Central Asia region, where other governments with a number of known awards against them seem less inclined to comply voluntarily.

In some cases, states in this region have argued that local law precludes them from paying awards and/or that they need to obtain budgetary approval to comply, the process for which does not coincide with the timeline set for paying the award.

A possible reason for Ukraine's anomalous status is that it has a vested interest in upholding the reputation of its domestic courts for operating independently and reliably, due to the government's heavy involvement in international bond markets.

Its desire to attract inward investment means the government wants to be seen to be taking action on properly rendered investor-state awards, however evidence suggests Ukraine has more to do in communicating its approach to the international arbitration community.

Enforcing awards in Kazakhstan: Lessons from the Stati saga

An example of the difficulties parties to arbitration experience in enforcing awards against states in Russia and the CIS region is the long-running case of *Stati, Ascom and others v. Kazakhstan* (aka "the Stati arbitration[3]").

Briefly, Moldovan investors Anatolie and Gabriel Stati had invested in petroleum operations in Kazakhstan, which they alleged the state subsequently expropriated.

The legal battle between the Statis and the Kazakh government began in 2010, when the Stati investors initiated a Stockholm Chamber of Commerce (SCC) arbitration, following the alleged expropriation of oil and gas exploration and production assets held by companies owned by the Statis.

In 2013, an SCC tribunal awarded the Statis approximately US$500 million

[2] *With Fieldfisher lawyers representing Ukrainian businessman Igor Kolomoysky as a party to this dispute, see https://www.fieldfisher.com/en/insights/fieldfisher-secure-win-commercial-litigation-high-court (Accessed 10.12.2021).*
[3] *URL: https://www.vail-dr.com/arbitral-enforcement-takeaways-from-kazakh-asset-ruling/ (Accessed 10.12.2021).*

under their Energy Charter Treaty (ECT) arbitration claim against Kazakhstan.

Kazakhstan however refused to pay the award for a combination of reasons, alleging it was obtained through fraud and citing arguments of sovereign immunity and the differing status of the Kazakh state versus the National Bank of Kazakhstan.

In the years since the award was issued, national courts in various jurisdictions (including Sweden, Belgium, the Netherlands and the UK) engaged in enforcing the award and in follow-on proceedings have reached a number of significant findings that have contributed to the question of how assets implicated in such awards will be treated.

While there are many strands to this case, one of the key challenges for the Stati investors is that state assets are generally regarded as separate from those held by national entities, such as national funds. Assets in the latter category are unavailable to satisfy arbitral awards made against the state.

In the Stati case, the investors argued that Kazakhstan had attempted to shield assets from attachment (i.e., availability to pay the award) by putting them in the country's national fund and out of reach of the Stati investors.

Applications by the Statis to freeze and attach large sums held by the Kazakh government in European bank accounts and arguments by Kazakhstan that these investments should be protected by sovereign immunity have tested and divided the approaches of national courts.

In April 2020, the England and Wales High Court issued a decision[4] that Kazakh national funds held in a custodial account in the UK branch of BNY Mellon could not be used to settle the award, on the basis that BNY Mellon had effectively agreed a contractual debt with the Bank of Kazakhstan and only the Bank of Kazakhstan can enforce a call on that debt.

However, in a subsequent significant and possibly contradictory development in June 2021, the Belgian Court of Appeal rejected Kazakhstan's appeal against the attachment of ca. US$22 billion belonging to the National Fund of Kazakhstan in its account at BNY Mellon in Belgium, finding the assets had been invested for commercial purposes.

This decision indicated that awards against sovereign states can be enforced, even when the assets in question are seemingly held by an independent third party.

No doubt frustrated by the legal equivocations over enforcement of the initial award, in August 2021, the Stati investors launched a second claim against Kazakhstan on the grounds that the state's failure to pay the award is in itself a breach of its international treaty obligations.

In general, the Stati case illustrates that investors seeking to enforce arbitral awards against resistant states face a complex patchwork of legislative approaches on the one hand, but have a variety of possible routes to enforcement on the other.

IAFC: The rise of the Kazakh-seated arbitrations

While enforcing awards against the Kazakh state has its challenges, the country is taking steps to make a name for itself as a seat for domestic and wider regional arbitration.

Established in January 2018, the Astana International Financial Centre (AIFC), which includes an International Arbitration Centre and an independent common law court, is building a reputation as a well-functioning, low-cost alternative to other dispute resolution centres for parties with regional interests.

In its first four years of operation, the AIFC focused on smaller (sub-US$500 million), local disputes between parties seeking in-country remedies, however it has ambitions to expand the value of its cases and to render international awards as the centre grows in stature.

Notably, the centre has jurisdiction to determine investor treaty disputes and (as of September 2021) reportedly had at least one case underway against the Kazakh state.

[v] *The UK High Court of Justice Judgment available here: https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2020/04/FL-2018-000007-Kazakhstan.pdf (Accessed 10.12.2021).*

The AIFC's court and International Arbitration Centre are both pointedly independent of the local Kazakh court system, however its proponents note that it remains on good terms with the domestic courts, which helps with domestic enforcement. In addition to hearing cases brought by domestic parties, the centre has also registered cases from Russia, the UK, Azerbaijan, Turkey, India and China, among others, and as of 2021 had registered more than 700 cases, the majority of which are arbitration and mediation cases.

While incentives such as no initial administrative fees and rapid turnaround times for decisions (some taking a matter of hours) mean the centre has been successful in attracting litigation and arbitration, critics have suggested that the AIFC's low costs are unsustainable (administrative fees are expected to be raised in 2022, albeit kept comparatively low) and are suspicious of the soundness of decisions reached in such short spaces of time.

Nevertheless, practitioners in Kazakh law firms have reported seeing more AIFC arbitration clauses in contracts, especially those involving Russian clients. The international arbitration community, particularly those specialising in Russia and CIS arbitrations, are therefore watching the development of the centre closely.

This article is based on a discussion between leading arbitration experts during an event co-hosted by European law firm Fieldfisher and RCAN as part of Paris Arbitration Week on 23 September 2021. The contributors to the discussion were Daniel Hayward (partner, Fieldfisher, London); Stephanie Balsys (managing associate, Mishcon de Reya, London); Noah Rubins QC (Head of International Arbitration, Freshfields, Paris); Artem Doudko (Head of Russia & CIS Disputes, Osborne Clarke, London); Laurence Ponty (Counsel, Archipel, Geneva); Evgeniya Rubinina (Partner, Enyo Law LLP, London); and Tomas Vail (Head of Vail Dispute Resolution, London).

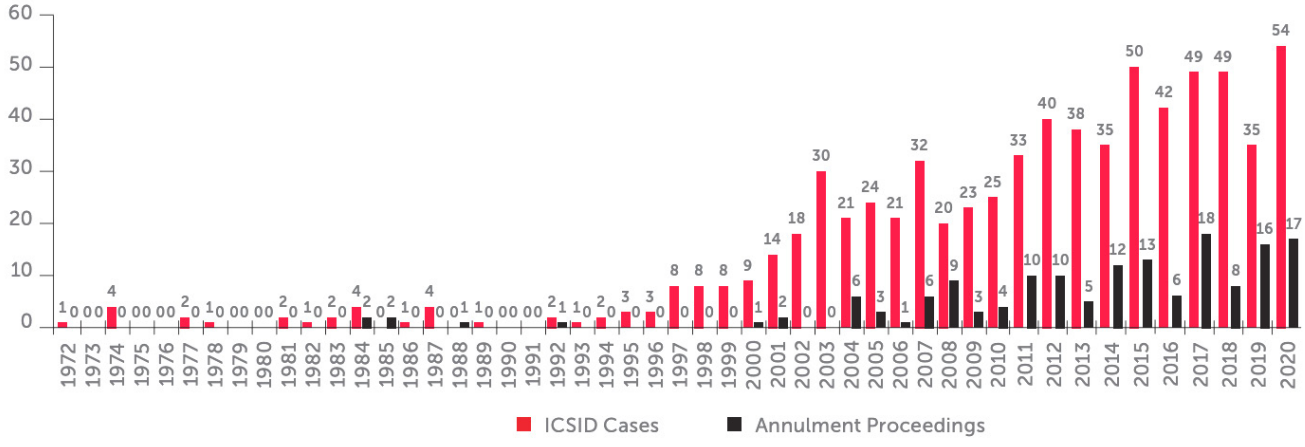
SUCCESS OF ICSID ANNULMENT PROCEEDINGS: NEW EMPIRICAL EVIDENCE

Yarik Kryvoi
Director of the Investment Treaty Forum, British Institute of International and Comparative Law (BIICL)

A recent study conducted by the British Institute of Comparative and International Law and Baker Botts analysed over 150 annulment decisions rendered by ICSID ad hoc annulment and sheds light on how the ICSID system deals with annulment – the entire universe of publicly available annulment awards.[1] States within the UNCITRAL Working Group III: Investor-State Dispute Settlement Reform are currently considering whether the ICSID annulment proceedings should co-exist with non-ICSID annulment grounds or be merged in the future.[2] However, any major changes in the annulment process would require an amendment of the ICSID Convention, which is likely to take a long time. Therefore, the annulment procedure as we know it now is likely to stay with us for many years.

The study shows that the last decade witnessed a dramatic increase in the number of initiated annulment proceedings. Ad-hoc annulment committees have the power to set aside ICSID awards, often involving large amounts of money and affecting important public policy matters. Not surprisingly, both States and investors seek greater certainty on how annulment committees approach annulment applications.

Number of ICSID Cases and Annulment Proceedings Registered, by Year

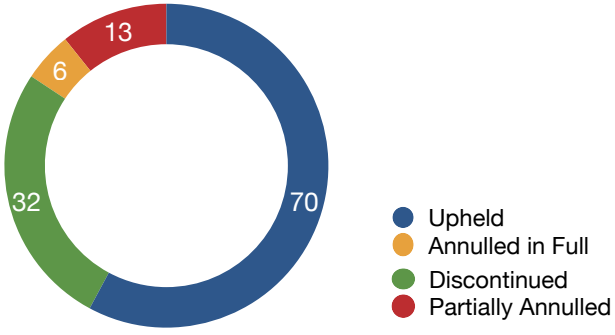


[1] *Johannes Koepp, Yarik Kryvoi and Jack Biggs, Empirical Study: Annulment in ICSID Arbitration (2021). BIICL & Baker Botts (2021), available at https://www.biicl.org/documents/10899_annulment-in-icsid-arbitration190821.pdf.*

[2] *UNCITRAL, Possible reform of investor-State dispute settlement (ISDS): Consistency and related matters, 28 August 2018, A/CN.9/WG.III/WP.150, available at https://undocs.org/en/A/CN.9/WG.III/WP.150.*

The drafters of the ICSID Convention viewed the annulment process as an exceptional remedy.[3] This empirical study shows that although applications for annulment are far from being exceptional, the number of annulled awards is exceptional indeed. Of 352 ICSID award ever rendered since 1972, nearly a half was subject of annulment proceedings and only 19 (around 5%) have been annulled in full or in part[4]. Another recent trend is that the parties discontinue nearly a half of annulment applications, which suggests that they submit many applications on a tentative basis, to comply with the 120 days' time limit.[5]

Annulment Outcomes in Completed ICSID Proceedings, based on 124 Annulment Decisions



Nearly a half of all ICSID awards face annulment applications, and the proportion is growing

The study shows that nearly every other award rendered under the ICSID Convention has been the subject of annulment proceedings. As Chart 1 demonstrates, this number has increased dramatically over the last decade, as three quarters of annulment proceedings have been initiated since 2009. This growth has significantly outpaced the growth in the number of substantive ICSID arbitration proceedings.

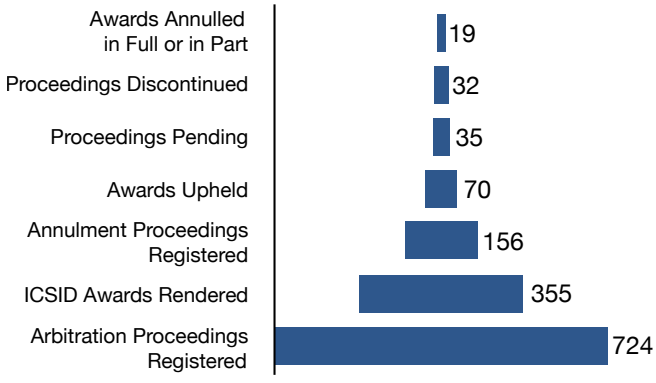
The success rate of annulment applications remains low

Despite the growing number of annulment applications, only 12% of them were successful as Figure 2 illustrates. The study shows that only seven ICSID awards have been annulled in full (2% of the total ICSID awards). With many annulment proceedings still pending, the number of successful applications will likely increase.

Nearly half of annulment applications are discontinued before reaching an *ad hoc* committee

Approximately a half of annulment cases are discontinued and never decided by *ad hoc* committees. The apparent reason for this high number is that many annulment applications are made on a tentative basis to comply with the 120-day application deadline or to create leverage for settlement negotiations. The discontinuance rate has increased over the past decade.

Overview of Arbitration Proceedings under the ICSID Convention



[3] *Aron Broches, "Observations on the Finality of ICSID Awards" in Selected Essays: World Bank, ICSID, and Other Subjects of Public and Private International Law 299 (1995), at 354-355.*
[4] *The first ICSID annulment award was rendered in 1983.*
5 ICSID, The ICSID Caseload — Statistics, Issue 2020-2 https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/publications/The%20ICSID%20Caseload%20Statistics%20%282020-2%20Edition%29%20ENG.pdf, p. 16.

States are more likely to seek annulment and to prevail than investors

States not only seek annulment more often than investors but also more likely to prevail. A small number of States account for a significant portion of these applications. Specifically, Argentina, Venezuela and Spain account for nearly 45% of all annulment applications submitted by States.

Most invoked and successful annulment grounds

The three most commonly invoked grounds of annulment and the most frequently successfully invoked grounds include:

1. the tribunal manifestly exceeded its powers;
2. the award failed to state the reasons on which it is based; and
3. there was a serious departure from a fundamental rule of procedure.

In practice, the tribunal's damages analysis and jurisdictional findings are more likely to be annulled than findings on liability where a partial annulment is ordered.

Reasoning of *ad hoc* committees

Manifest excess of powers has become the most frequently and successfully invoked annulment ground, raised in almost 90% of all completed annulment proceedings. Of the 11 successful applications, three related to jurisdiction, six related to the applicable law and two related to other powers. Parties have claimed that there was an absence of reasons in most annulment proceedings (80%) with a 15% success rate.

ICSID *ad hoc* committees have linked the ground of a serious departure from a fundamental rule of procedure with the need to ensure fundamental principles of due process and natural justice are complied with. Parties relied on this ground in over 70% of annulment proceedings but have only been successful in around 8% of cases.

Requests for annulment on the basis that the tribunal was not properly constituted have been relatively rare. Parties have invoked this annulment ground in 6% of completed proceedings (often in conjunction with an allegation of a serious departure from a fundamental rule of procedure) but only once successfully. The final ground for annulment based on corruption on the part of a member of the Tribunal has not yet been invoked.

Future outlook

In the absence of the system of precedent and guidance on applicable procedural and substantive law, empirical studies such as this one help identify the key patterns of decision-making and will facilitate a greater level certainty for States and investors related to ICSID annulment proceedings.

As Judge Donoghue, the President of the International Court of Justice, pointed out at the report launch event: "Empirical studies help us to disentangle advocacy from facts. This study about annulment in ICSID arbitration and the evidence it contains will serve as a launching pad for future discussions in the investment arbitration community."

The authors plan a follow up study examining the key trends with annulment of non-ICSID awards in domestic courts.

THE U.K. SUPREME COURT CLARIFIES AN ARBITRATOR'S DUTY OF DISCLOSURE: HALLIBURTON V CHUBB

Wilmer Cutler Pickering Hale and Dorr LLP, London

Matteo Angelini
Senior associate

Charlie Caher
Partner

Just over one year ago, the UK Supreme Court handed down a seminal judgment on arbitrator conflicts in *Halliburton v Chubb*, which is one of the most important decisions on English arbitration law of this century. In a unanimous decision, the UK Supreme Court ruled on the approach under English law to determining whether an arbitrator's failure to make disclosure of appointments in multiple arbitrations with overlapping subject matter and only one common party gave rise to justifiable doubts as to his impartiality such that he should be removed on grounds of apparent bias.

In *Halliburton*, the appointment of an arbitrator was challenged on the basis that the arbitrator had failed to disclose that he had been appointed as an arbitrator in two related disputes, and this failure gave rise to "justifiable doubts as to his impartiality." The Supreme Court held that there may be circumstances where the acceptance of multiple appointments involving a common party and the same or overlapping subject matter gives rise to an appearance of bias. Whether it does so will depend on the facts of the case and, in particular, the customs and practice in the relevant field of arbitration.

On the facts of the case, the Supreme Court concluded that the arbitrator was under a legal duty to disclose the appointments in related disputes. However, the failure to disclose did not ultimately give rise to apparent bias for several reasons, including the fact that there was no prospect of the appointing party gaining any advantage by reason of overlapping references.

This article examines the background to, and implications of, this significant decision.

Background

Arbitration 1 was between Halliburton Company ("Halliburton"), which provided cementing and well monitoring services in relation to Deepwater Horizon, and Chubb Bermuda Insurance ("Chubb"). It began in early 2015. The arbitration related to Chubb's refusal to pay Halliburton's claim under the Bermuda Form insurance policy that Halliburton held with Chubb. One of Chubb's proposed candidates, Mr. Rokison QC ("Mr. Rokison"), was appointed by the English High Court (pursuant to the contractual mechanism between the parties) as chairperson of the tribunal in June 2015.

Arbitration 2 was between Chubb and Transocean Holdings LLC ("Transocean"), the owner of the Deepwater Horizon rig. It related to an excess liability claim by Transocean under its Bermuda Form policy. Mr. Rokison was appointed as Chubb's co-arbitrator.

Mr. Rokison gave disclosure before his appointments in Arbitrations 1 and 2. However, in an omission which was central to the dispute before the Supreme Court, Mr. Rokison did not disclose to Halliburton his proposed appointment by Chubb in Arbitration 2.

Mr. Rokison also subsequently accepted a joint appointment in a claim made by Transocean against a different insurer in another arbitration arising out of the Deepwater Horizon incident (Arbitration 3). This was not disclosed to Halliburton, but did not form the focus of the appeal.

In November 2016, Halliburton discovered Mr. Rokison's appointment in the two Transocean arbitrations and raised its concerns with Mr. Rokison. Mr. Rokison explained that his failure to make the necessary disclosure was an oversight for which he apologized. He said that he had not learned anything in Arbitrations 2 and 3 about the facts of the incident that was not public knowledge, but that he would be prepared to consider tendering his resignation in Arbitrations 2 and 3 if they did not shortly come to an end of their own accord (through preliminary determinations on issues of construction). He subsequently offered to resign from Arbitration 1 if the parties were able to agree on a mutually acceptable replacement chairperson who would be available before the hearing in the arbitration in January 2017.

Decisions of the Lower Courts

In December 2016, Halliburton issued its claim in the English High Court seeking removal of Mr. Rokison and appointment of another chair on the grounds that circumstances existed giving rise to justifiable doubts as to Mr. Rokison's impartiality. In January 2017, Mr. Justice Popplewell heard the application. He dismissed it in February 2017, finding that (i) the circumstances did not give rise to any justifiable concerns about Mr. Rokison's impartiality and (ii) there was accordingly nothing to be disclosed.

The Court of Appeal dismissed Halliburton's appeal just over a year later, finding (among other things) that while disclosure ought to have been made, something more than mere non-disclosure was required to justify an inference of apparent bias. The case came before the UK Supreme Court in November 2019. Due to the importance of the issues involved, the UK Supreme Court gave permissions for a number of different arbitral institutions to intervene, with submissions from the LCIA, ICC, CIArb, LMAA and GAFTA.

The UK supreme court's decision

The main issue before the UK Supreme Court was: when should an arbitrator make disclosure of circumstances which may give rise to justifiable doubts as to his impartiality? Giving lead judgment on behalf of the UK Supreme Court, in addressing this issue, Lord Hodge clarified several questions surrounding an arbitrator's duty of disclosure under English law.

Arbitrator's Duty of Impartiality

The UK Supreme Court confirmed that an arbitrator's duty of impartiality is enshrined in section 33 of the 1996 English Arbitration Act, which requires the tribunal to act fairly and impartially as between the parties. Under section 24 of the 1996 Act, an arbitrator may be removed where "circumstances exist that give rise to justifiable doubts as to his [or her] impartiality". This includes apparent unconscious bias, which was alleged by Halliburton.

When considering apparent bias, the question under English law - whether in respect of judges or arbitrators - is well established to be "whether the fair-minded and informed observer, having considered the facts, would conclude that there was a real possibility that the tribunal was biased."

Lord Hodge identified several contextual factors specific to international arbitration relevant to this assessment of apparent bias. These included: (i) the privacy and confidentiality of arbitration, which puts a premium on frank disclosure; (ii) the fact that an arbitrator's decision is subject only to very limited powers of review; (iii) the financial benefit received by arbitrators as a result of nomination; (iv) the broad range of backgrounds, legal traditions and ethical norms of arbitrators; (v) the fact that, in multiple references concerning the same

or overlapping subject matter, the non-common party has no means of informing itself of the evidence led before and legal submissions made to the tribunal; and, (vi) the differing understandings of the role and obligations of the party-appointed arbitrator.

Existence of Arbitrator's Duty of Disclosure under English Law

It was not previously clear as a matter of English law whether, in circumstances where the dispute is not governed by arbitral rules imposing specific disclosure obligations, disclosure by an arbitrator was a legal duty or merely good arbitral practice. Unlike the UNCITRAL Model Law, the 1996 English Arbitration Act did not provide for any express statutory duty of disclosure.

The UK Supreme Court clarified this. It found that English law requires an arbitrator to disclose facts and circumstances which might give rise to justifiable doubts as to his or her impartiality, tested from the perspective of an objective observer. It explained that, in order for disclosure to be required, it is sufficient that the matters in question are such that they are relevant and material to an assessment of the arbitrator's impartiality and could reasonably lead to an adverse conclusion. Matters which, if left unexplained, would give rise to justifiable doubts as to an arbitrator's impartiality must be explained and neutralized by disclosure. An arbitrator's disclosure obligation therefore extends to matters which may not ultimately prove to be sufficient to establish justifiable doubts as to the arbitrator's impartiality.

In assessing whether multiple appointments in arbitrations with overlapping subject matter and one common party meet this threshold, the UK Supreme Court acknowledged that there are practices in maritime, sports and commodities arbitrations in which engagement in multiple overlapping arbitrations does not need to be disclosed because it is not generally perceived as calling into question an arbitrator's impartiality or giving rise to unfairness. Parties who refer their disputes to these institutions are taken to accede to this practice and accept that such involvement by arbitrators does not call into question their fairness or impartiality and disclosure may not be required. Consequently, the fact that an arbitrator has accepted appointments in multiple references concerning the same or overlapping subject matter with only one common party is a matter which may have to be disclosed, depending upon the customs and practice in the relevant field.

Effect of Non-Disclosure

The UK Supreme Court then considered the effect of non-disclosure. When assessing whether there should have been disclosure, a court will have regard to the circumstances prevailing at the time when the arbitrator acquired the requisite knowledge of those circumstances. It will disregard matters of which the arbitrator could not have known at that time. With regard to a continuing failure to disclose matters, however, changes in circumstances may mitigate (for example if the second arbitration does not proceed) or aggravate the seriousness of the non-disclosure.

Lord Hodge stated that non-disclosure in the circumstances before the Court deprived the noncommon party of the opportunity to address and perhaps resolve the matters which should have been disclosed. He held that such non-disclosure may demonstrate a lack of regard to the interests of the non-common party and may in certain circumstances amount to apparent bias.

Turning to the question of the time at which the possibility of bias must be assessed, the Court noted that section 24(1)(a) of the 1996 Act empowers a court to remove an arbitrator on the ground that circumstances exist that give rise to justifiable doubts as to his or her impartiality. On this basis (which was corroborated by English case law), the Court held that the possibility of bias should be assessed as at the date of the hearing of the application to remove the arbitrator: the hypothetical assessment will be undertaken with reference to the facts then available to the fair-minded and informed observer. The Court can therefore go beyond the facts known to the hypothetical observer at the time of the relevant failure or objection.

Applying this approach to the facts of the case, the question relevant to Mr. Rokison's removal was whether a fair-minded and informed observer

at the date of the hearing for removal in January 2017 would have concluded that there was a real possibility of unconscious bias on Mr. Rokison's part. The Supreme Court held that the observer would not have so concluded. By the time of the hearing for removal, Mr. Rokison had given an explanation of his failure to disclose the appointments (oversight) and that explanation was not challenged. In the circumstances, an objective observer would not have inferred from such oversight that there was a real possibility of unconscious bias. The appeal was accordingly dismissed.

Implications

The Supreme Court's judgment has clarified fundamental points of English arbitration law. It has confirmed the existence of a legal duty of disclosure that is applicable to arbitrators, as well as an arbitrator's duty to disclose multiple appointments with overlapping subject matter and only one common party in Bermuda Form arbitrations.

The judgment is, however, careful to emphasize that in assessing what needs to be disclosed and the effects of non-disclosure, much will turn on the institutional rules adopted, the custom and practice in the field of the subject matter of the arbitration and the parties' particular circumstances and expectations. In this way, the Supreme Court has avoided endorsing a "one size fits all" approach which could risk tying the hands of the English courts as they deal with removal applications in diverse fields of arbitration with divergent customs and practices.

Nevertheless, the authors agree with Lady Arden's obiter comment that, following *Halliburton*, an arbitrator would be wise proceed on the basis that a proposal to take on a further appointment involving a common party and overlapping subject-matter is likely to require disclosure of a potential conflict of interest.

Charlie Caher is a partner in the International Arbitration Practice Group at Wilmer Cutler Pickering Hale and Dorr LLP, based in London. He has represented clients in numerous institutional and ad hoc arbitrations under all major arbitral institutions, and in most major civil and common law jurisdictions. He is a member of the ICC's Arbitration and ADR Committee (UK), the Chartered Institute of Arbitrators and an executive member of the London Chapter of Arbitration Ireland.

Matteo Angelini is a senior associate in the International Arbitration Practice Group at Wilmer Hale. He is an English barrister. He has represented clients in arbitrations under a variety of institutional rules (including the ICC, LCIA, LMAA, and UNCITRAL rules) involving both common law and civil law disputes.

MEMBERS' INDEPENDENCE AND IMPARTIALITY UNDER FIDIC 1999/2017 DAB/DAAB EDITIONS. A COMPARATIVE VIEW

Cremona Ana Maria Cotovelea
LL.M, Arbitrator, Romania

FIDIC forms of contracts are some of the most used construction contract standards at the international level. The World Bank, Multilateral Development Banks (MDBs) and other International Financial Institutions (IFIs) are consistent in using FIDIC forms of contract in the projects they finance. The 2017 edition of Red, Yellow and Silver Books keep the reference of the disputes to a dispute board as a condition precedent to arbitration.

This article is an excerpt of part 2 of an article published in Romanian Arbitration Journal no. 3/2021.[1] The article is written from a practical point of view and, by identifying and analysing the relevant provisions, aims to obtain a general view useful for both DAAB users and practitioners.

The roles of the Dispute Avoidance /Adjudication Board ("DAAB") and Dispute Adjudication Board ("DAB")[2] are to avoid disputes and solve them when the avoidance has failed. [...] Parties must trust that the DAB's members are independent and impartial. FIDIC contracts regulate these aspects in the General Conditions of Dispute Avoidance/Adjudication Agreement[3] ("GCs") and DAB/DAAB Procedural Rules ("Rules"). General Conditions of Contract ("GCC") do not contain specific provisions but state that the dispute boards' members are suitably qualified persons.

Obligations of the DAB/DAAB Members related to the independence and impartiality

Neither the independence, nor the impartiality of the Members is defined in the FIDIC contracts. The FIDIC Contracts Guide (2000) shows that "*every Member enters into an agreement with both Parties, and owes no allegiance to any one Party. A Member must not act as advocate for, or as representative of, the Party which nominated him/her.*"[4]

---

[1] *DAB / DAAB - A comparative view between FIDIC 1999/2017 editions, Part 2 – The Members Independence and Impartiality, Romanian Arbitration Journal no.3/2021, (a Wolters Kluwer publication indexed in Kluwer Arbitration), pp. 76 -92.*

[2] *The reference to the DAB regards the standing Dispute Adjudication Board as per 1999 FIDIC Red Book. The DAB under the Yellow Book and Silver Book, being ad-hoc dispute boards have a very limited possibility to exercise their proactive role of avoiding disputes (there are some authors who consider that the way of reasoning of the DAB's members in their decision enables the Parties to anticipate the possible solutions for future similar issues and so to look for a way to solve the claim or disagreement before referring a dispute to the DAB).*

[3] *Please, see the errata to the FIDIC Conditions of Contract for Construction Second Edition, 2017, the corrections were made in the documents published in 2018.*

[4] *The FIDIC Contracts Guide, 2000, p. 321.*

The Dispute Resolution Board Foundation ("DRBF") Manual defines impartiality and independence as follows: "**Impartiality** means *having no direct involvement or interest and not favouring one person or side more than another*. **Independence** means *free from the influence, control or determination of another or others."*[5]

The independence and impartiality of the DAB/DAAB Members ("Member/s") are regulated by GCs as follows:

- GCs 1999 ed. in Clause 3 [Warranties][6] and Clause 4 [General Obligations of the Member], and
- GCs 2017 ed. in Clause 3 [Warranties] and Clause 4 [Independence and Impartiality].

These provisions deal with the actual and apparent bias (lack of Members' independence and/or impartiality) and relate to two periods: before and at the time the DAB/DAAB Agreement is signed, and after its conclusion (during the mandate of the DAB/DAAB).

Under Clause 3 GCs 1999 ed., the DAB Members' impartiality and independence must be of the Employer, the Contractor, and the Engineer. This has now been changed by SC 3.1 CGs (2017 ed.) which replaces the Engineer with the Employer's Personnel[7] and adds the Contractor's Personnel.[8]

Clause 3 GCs 1999 ed. was expanded in the GCs 2017 ed. Clause 3 [Warranties] of the 2017 ed. and is now split into three sub-clauses: SC 3.1, SC 3.2 - details the first paragraph, and SC 3.3 - details the second paragraph of Clause 3 of the GCs 1999 ed.

The first sentence of the first paragraph of Clause 3 CGs 1999 ed. provides for the Members to warrant and agree that they are and shall[9] be impartial and independent. Therefore, they must be impartial and independent at the moment of concluding the Dispute Adjudication Agreement *("DA Agreement")*[10] and any time thereafter, during the period within which the DAB "is in place".

SC 3.1 (2017 ed.) expressly adds the requirement that the Members must remain impartial and independent at all times during the Term of the DAAB[11], including in accordance with SC 4.1 [Independence and Impartiality]. [...]. Even in the absence of such an express reference in the GCs 1999 ed., the requirements of Clause 4 [General Obligations of the Member][12] have to be taken into consideration when establishing the impartiality and independence of the DAB Members.

The second sentence of the first paragraph of Clause 3 of the GCs 1999 ed. provides for the future: the DAB members "*shall promptly disclose*" any fact or circumstance that may appear to be inconsistent with the warranty and agreement of impartiality and independence.

SC 3.2 (2017 ed.) considers the Members' obligation to disclose after signing DAAB Agreement or after the DAAB Agreement is deemed to have been signed.[13] SC 3.2 reorganises the 1999 ed. provisions and broadens the content of the disclosure obligation:

---

[5] *Dispute Boards Manual, a Guide to Best Practices and Procedures, 2017, p. 37.*

[6] *Clause 3 of the GCs is identical in Red Book, Yellow Book and Silver Book 1999.*

[7] *„Employer's Personnel" is a (similarly) defined term in both editions: SC 1.1.2.6 (Red Book 1999 ed.) and SC 1.1.33 (Red Book 2017 ed.) and includes the Engineer in the notion.*

[8] *„Contractor's Personnel" is a defined term in both editions: SC 1.1.2.7 (Red Book 1999 ed.) and SC 1.1.17 (Red Book 2017 ed.).*

[9] *FIDIC indicates that a clause may be modified without being in a conflict with a Golden Principle when terms similar to „or as otherwise agreed", „unless otherwise agreed" a.s.o. are used. When such expressions are not used, „shall" means not only an obligation but also that changing the contractual provision may determine the disturbance of the contractual balance and that way more likely a breach of a Golden Principle, The Guidance for Drafting PCS, p. 13, FIDIC Golden Principles, First edition, 2019.*

[10] *DA Agreement includes the GCs and the Particular Conditions of the DA Agreement (if any).*

[11] *Defined term in the SC 1.6 GCs – the period starting on the Effective Date (also a term defined in SC 2.1 of the GCs) and finishing on the date that the term of the DAAB expires in accordance with SC 21.1 [Constitution of the DAAB] GCC.*

[12] *Clause 4 of the GCs is similar in Red Book, Yellow Book and Silver Book 1999; letters (i), (k) from the Red Book regard are connected to the standing character of the DAB in Red Book, and therefore are not to be found in Yellow Book and Silver Book which have an ad-hoc DAB.*

[13] *See SC 21.2 [Failure to Appoint DAAB Member/s], 2017 ed.*

the Members warrant and agree that they shall immediately disclose any fact or circumstance 1) which *might call* into question the Members' *independence and impartiality* and/or 2) which *might be or appear to be inconsistent* with the Members' *warranty and agreement* that they are and will remain impartial and independent. It can be seen that the first case-scenario concerns directly the Members' impartiality and independence, whilst the second case-scenario concerns the Members' warranty and agreement that they are and will remain independent and impartial.

The Members have the obligation to disclose any fact or circumstance which might also call into question their independence and impartiality before signing the DAAB Agreement as per Clause 4 [Independence and Impartiality], letter (e) point (ii). The disclosure must be made in writing, to the Employer, the Contractor, and Other Members, and shall represent the Members' best knowledge and recollection.

In the 2017 edition, Clause 4 [General Obligations of the Member] is divided into three distinct clauses:

- Clause 4 [Independence and Impartiality] – deals with the Members' obligations related to the warranty of impartiality and independence and disclosure - it sets out the requirements for independence and impartiality;
- Clause 5 [General Obligations of the DAAB Member/s] – deals with the Members' obligations related to the DAAB Activities, and
- Clause 7 [Confidentiality].

Another important aspect related to the independence and impartiality of the Members is the distinction between actual bias and apparent bias. Bias is considered to be "*a predisposition to decide a cause or an issue in a certain way which does not leave one's mind properly open to persuasion*."[14] Actual bias exists when there is a departure from the required standard of impartiality of the adjudicator, whilst the apparent bias exists when it *appears* that there has been an actual bias.[15]. There is an apparent bias when a fair-minded observer[16] might reasonably suspect that the decision-maker is not impartial. In other words, „*[A]ctual bias is when there is the real likelihood that a judge has an interest in the outcome of a case. Apprehension (or appearance) of bias occurs when parties to a dispute or the public entertain a reasonable suspicion of the likelihood that the judge might be partial and prejudiced in the resolution of a case*."[17] The general view is that the apparent bias is enough to disqualify a Member from making a decision. "*Bias, whether actual or apprehended connotes the absence of impartiality*".[18]

The latest case considered to be extremely relevant for decision-makers, adjudicators (dispute board members) and arbitrators, is *Halliburton Company v. Chubb Bermuda Insurance Ltd* [2000] UKSC that regards the "Deepwater Horizon Incident".[19] Putting aside the specific UK regulations applicable to the case, the decision shows the importance of apparent bias, but also the fact that all circumstances must be taken into consideration when analysing if a decision-maker should be disqualified based on the apparent bias.

---

[14] *Graham Taylor, Judicial Review: A New Zealand Perspective,3rd ed, LexisNexis, Wellington, 2014 quoted by George Niven, One Rule to Rule Them All: A Unitary Standard of Bias in Judicial Review, 2016, p. 1. https://www.otago.ac.nz/law/otago638178.pdf ,last accessed 26 September 2021.*

[15] *There are authors who further consider a 'presumptive bias', which would exist when the adjudicators/arbitrators have a pecuniary interest in the decision before them. The types of bias may vary as they may be categorised based on the different angles from which they are approached.*

[16] *The evolution of how the English Courts deal with the apparent bias is quite interesting. There are several „milestones": one is the „real danger test" (Regina v Gough, 1993), another one is "the fair-minded and informed observer, [who] having considered the facts, would conclude that there was a real possibility that the tribunal was biased." (Magill vs Porter, 2002) a.s.o.*

[17] *Adebola Olaborede; Lirieka Meintjes-van der Walt, Cognitive bias affecting decision-making in the legal process, http://www.scielo.org.za/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1682-58532020000400007#back_fn6 last accessed 26 September 2021.*

[18] *Ebner v Official Trustee in Bankruptcy (2000) HCA 63 par 23.*

[19] *JUDGMENT - Halliburton Company (Appellant) v Chubb, Bermuda Insurance Ltd (formerly known as Ace Bermuda Insurance Ltd) (First Respondent), [2020] UKSC 48 https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2018-0100-judgment.pdf last accessed 26 September 2021.*

It is considered that the decision clarifies how English courts assess the apparent bias and refines the test of the apparent bias. The principal issues raised were: "(i) *whether and to what extent an arbitrator may accept appointments in multiple references concerning the same or overlapping subject matter with only one common party without thereby giving rise to an appearance of bias, and (ii) whether and to what extent the arbitrator may do so without disclosure*."[20]

Although the UK Supreme Court found that the arbitrator was in breach of his obligation to disclose, it held that a fair-minded and informed observer would not determine that there was a real possibility of bias considering the other relevant facts and circumstances at the moment of the hearing of the challenged arbitrator, in January 2017. The Supreme Court further established the "check-list" for the fair-mind and informed observer to take into account: the failure of an arbitrator to make disclosure, the facts and circumstances as at and from the date when the duty to disclose arose, whether there is a real possibility that an arbitrator is biased by reference to the facts and circumstances known at the date of the hearing to remove the arbitrator, "*the custom and practice in the relevant field of the arbitration*".[21]

The Procedural Rules[22] under both editions contain the obligation of the Members to act fairly and impartially between the Parties when a dispute is referred to the DAB/DAAB.

Rule 5 (a) Red Book, Rule 2 (a) Yellow Book and Silver Book (1999 ed.) and Rule 6.2 (Rule 6 [Disputes], 2017 ed.) state that the DAB/DAAB shall act fairly and impartially as between the Employer and the Contractor, giving each of them a reasonable opportunity of putting forward their case and responding to the other Party's case.[23] These Rules essentially oblige the DAB/DAAB to act within the rules of *natural justice*.[24] The non-observance of these provisions is often invoked as the contractual ground when challenging the DAB/DAAB Members or the DAB/DAAB decisions. Under FIDIC Contracts and, in general, in adjudication/dispute board procedures, the Members must act fairly and impartially between the Parties, whilst taking into consideration the limited time they have to give the decision. Letter (b) of Rule 5 (a) Red Book, Rule 2 (a) Yellow Book and Silver Book (1999 ed.) and Rule 6.2 (Rule 6 [Disputes], 2017 ed.) enable the DAB/DAAB to adopt procedures (in coming to their decision) suitable for the dispute avoiding unnecessary delays and expenses.

Natural justice, or procedural fairness, is the subject of infinite articles and debates under both Common Law and Civil Law systems, and it is considered to be easier to be recognised than to be defined. Regardless of the nuances assigned to it, the natural justice / procedural fairness brings three main rules: (a) no one should be the judge of their own case, (b) a party should be informed about the case against it and have the opportunity to respond, and (c) a party should have its case heard by an impartial and unbiased tribunal. In the international construction industry it is commonly accepted that the requirement of natural justice/procedural fairness is satisfied when the adjudicator: 1) is impartial and unbiased and acts in good faith, 2) conducts the proceedings in a fair manner and gives both parties the opportunity to present their case and comment on the other party's arguments and evidence. The main trend at the international level is that the courts will rarely interfere with an adjudication decision unless it is about a substantial and relevant breach of natural justice.

If the Rule 5 (a) Red Book, Rule 2 (a) Yellow Book and Silver Book (1999 ed.) and Rule 6.2

[20] *Ibidem, para 2.*

[21] *JUDGMENT - Halliburton Company v Chubb, Bermuda Insurance Ltd, [2020] UKSC 48, para 152.*

[22] *Procedural Rules under 2017 ed. are identical in all three books: Red, Yellow and Silver (remember that in the Silver Book there is no Engineer, but the Employer's Representative). Please, take into consideration the errata published by FIDIC.*

[23] *One of the declared scopes of the FIDIC 1999 authors was to make the contracts easy to be used under both Common Law and Civil Law jurisdictions. Introducing Rule 5 (Red Book) / Rules 2 (Yellow Book and Silver Book) that asks for the Members to act in fair and impartial manner when a dispute is referred to the DAB, the "natural justice" - a Common Law institution - became a contractual obligation and therefore applicable under a Civil Law jurisdiction (as long as it is not in breach of a mandatory legal provision).*

[24] *See footnote 24 above. The concept of 'procedural fairness' under civil law.*

(Rule 6 [Disputes], 2017 ed.) expressly apply to the disputes, then GCs SC 3 and 4 of both editions extend the protection against bias for all of the DAB / DAAB activities. SC 3, second sentence of the first paragraph (1999 ed.) and SC 3.2 together with SC 4.1 (2017 ed.) relate to the "apparent bias". Their requirements ask the Members to disclose any fact or circumstances which "*might appear inconsistent with*" Members' warranty and agreement of impartiality or independence or which "*call into the question*" Members' impartiality or independence. The disclosure must be made "*promptly*" under the 1999 ed. and "*immediately*" under the 2017 ed.

Sanctions for the lack of independence and impartiality

GCs 1999 ed. Clause 7 [Termination], paragraph 2[25] states that the Employer and the Contractor may terminate the DA Agreement if the Member fails to comply with it [...].[26] Compliance with the DA Agreement means compliance with the relevant GCC and procedural rules as per SC 4(e), and therefore with the rule of acting in a fair and impartial manner when deciding a dispute.

SC 10.4 (Clause 10 [Resignation and termination]) 2017 ed. modifies paragraph 2 of Clause 7 (1999 ed.) as follows:

- the compliance regards specifically SC 5.1 not the DA(AB) Agreement in its entirety;
- only the Member's failure to comply "*without justifiable excuse*" is sanctioned;
- the termination Notification[27] is given by recorded delivery;
- it is expressly specified that the Parties may (only) *jointly* terminate the DAAB Agreement with the respective Member.

The condition of the Parties acting together is expressly emphasised in SC 10.6 which states that a Notification[28] given under SC 10.4 shall be of no effect if it is not given by both the Employer and the Contractor.

Clause 8 [Default of the Member] (1999 ed.) states that *for the proceedings and decisions rendered void or ineffective* caused by *the Member's failure to comply with any obligation under Clause 4 [General Obligations of the Member],* the Member shall not be entitled to any fees and expenses and shall reimburse each Party for fees and expenses already received by it and by the Other Members.

As shown above, Clause 4 covers the Members' obligations related to their independence and impartiality and their activities. Pursuant to Clause 4 (e), the DAAB Members must comply also with SC 20.4 GCC including the obligation to issue the DAB decision within 84 days (or as otherwise approved by the Parties together). In the absence of an express provision that a late decision is void and ineffective[29] there were cases in which it was considered that, although late, the decision is enforceable until it is reviewed by arbitration,[30] and therefore the Members were entitled to receive their fees and expenses.

Clause 8 (1999 ed.) is modified by SC 11.5 (Clause 11 [Challenge]) (2017 ed.).

Clause 11 (2017 ed.) deals with the challenge of a Member and establishes the effects of the Decision on the Challenge. SC 11.1 states that a Member may be challenged only for "*an alleged lack of independence or impartiality or otherwise*."[31]

---

[25] *This provision is not found in the Yellow Book and Silver Book 1999 ed.*

[26] *When it is not about Members' failure to comply with DA Agreement, the Parties together may terminate the DA Agreement with a 42 days' notice (first paragraph of Clause 7, 1999 ed.).*

[27] *Defined term under SC 1.7 of GCs DAAB Agreement (2017 ed.).*

[28] *The text, not corrected by the errata published on the FIDIC website, uses the word "notice", but SC 10.4 (and 10.3) uses the defined term of "Notification".*

[29] *Also, it should be noted that the final paragraph of the SC 20.4 does not differentiate between a late or given in time DAB decision.*

[30] *Freeman NO and other v Eskom Holding Ltd, even if the adjudication regarded a NEC case.*

[31] *Like in any other situation, for example in the case of 20.8 [Expiry of Dispute Adjudication Board's Appointment] / SC 21.8 [No DAAB in place], the word "otherwise" has the potential of different interpretations.*

In the case of a challenge, Rule 10 [Objection Procedure] and Rule 11 [Challenge] shall apply.

SC 11.2 defines the Decision on the Challenge[32] as being the decision issued by the International Chamber of Commerce under Rule 11 and that this Decision shall be final and conclusive.

SC 11.3 offers to the challenged Member the possibility to resign before the Decision on the Challenge is issued, as per SC 10.1, however under the provision that resignation will have an immediate effect as SC 10.2 is not applicable.

As per SC 11.4, the challenged Member will continue to perform its DAAB Activities as long as the Member did not resign or its DAAB Agreement was not terminated.

SC 11.5 details what is to happen with the Member's appointment, its fees and expenses, the decisions, and DAAB's Activities, Parties obligations if the Decision on the Challenge establishes that the challenge is successful:

Member's appointment:

- SC 11.5 (a) –shall be deemed terminated with immediate effect of the date of the notification of the Decision on the Challenge by the ICC:
    - SC 11. 5 (d) the Member shall be removed from the DAAB.
    - Member's fees and expenses – SC 11.5 (b) – the successfully challenged
- Member shall not be entitled to any fees or expenses under its DAAB Agreement "*from the date of the notification of the Decision on the Challenge by the ICC*" (and not from the date when the challenge was referred under Rule 11). There appears to be quite a difference between the 1999 and 2017 editions. In 1999 ed., for proceedings and decisions which are rendered void and ineffective, the Member is not entitled to any fees or expenses if it is in breach of the obligations under Clause 4 and it has to reimburse any of its received fees and expenses, but also of the Other Members (supposing that they are innocent).
- Decisions' status – SC 11.5 (c) – shall become void and ineffective:
    - those decisions under SC 21.4.3 [The DAAB's Decisions] GCC given
        - after the challenge was referred under Rule 11; *and*
        - before the resignation of the challenged Member (under SC 11.3) or termination of its DAAB Agreement (under SC 11.5(a), Rule 10.3, but SC 10.4 is not mentioned).
- Other DAAB's Activities - SC 11.5 (c):
    - if a sole-member DAAB, all the other DAAB's Activities shall become void and ineffective;
    - if a three-member DAAB, all the other DAAB's Activities remain unaffected,
        - except where there has been a successful challenge to all three Members;
- Parties' Obligations – SC 11.5 (e) – without delay, shall appoint a replacement as per SC 21.1 [Constitution of the DAAB] GCC.

Procedural Rules 10 and 11 provide the procedure to follow in case of an Objection (first stage) and a Challenge (second stage) of a Member.

Rule 10 provides several steps:

1. Notification of the objecting Party to the relevant Member:[...]
2. Answer of the Member against whom the objection was raised:[...]
3. Formal challenge submitted by the objecting Party:[...]).

Rule 11 – The *objecting* Party must submit its formal challenge within 21 days "*of learning of the facts upon the challenge is based*". After that, the Dispute Board Rules of the ICC are to be followed, Appendix III Challenge of the DAAB's Members under 2017 FIDIC Contracts.[33] As per these regulations, but also SC 11.2 GCs, the Decision on the Challenge "*shall be final and conclusive*".

The wording of Rule 11 raises some questions whether the challenge under Rule 11 may be made

[32] *FIDIC 2017ed. brings more defined terms and notions but not all of them are in SC 1.1 GC (e.g.: SC 20.2.1 Notice of Claim) or Clause 1 of GCs. Anyway, also the ICC Dispute Board Rules, Appendix III Challenge of DAAB Member(s) under the 2017 FIDIC Contracts use the same expression "Decision on the Challenge".*

[33] *See text at: https://iccwbo.org/dispute-resolution-services/dispute-boards/rules/#AppIII last accessed on 26 September 2021.*

outside the objection procedure under Rule 10 or should always follow the objection procedure. [...].

The Appendix III "Challenge of DAAB Member(s) under the 2017 FIDIC Contracts" - to the ICC Dispute Board Rules - does not contain any relevant provision in this regard. Considering the chronology, the requirements of Article 1(2) (which provides the term of 21 days for submitting the written statement) mirror the requirements of Rule 11.

With regard to the applicable ICC rules, it should be noted that the Appendix III uses the word "party" with a small letter, therefore not in the sense of the "Party" - the defined notion in Article 2 [Definitions] (Chapter "Introductory Provisions") of the ICC Dispute Board Rules. Therefore, it could be considered, as some authors already did, that any interested persons[34] and not only the Parties of the (Works) Contract could challenge a DAAB Member. However, Rule 11 provides that the challenge is made by the "objecting Party" or, as per SC 1.2 GCs, the words and expressions that are not otherwise defined in the GCs shall have the meanings assigned to them in the GCC. SC 1.1.60[35] GCC states that "Party" means the Employer or the Contractor. Therefore, only these ones could challenge a DAAB Member.

Conclusion

The changes brought by the 2017 edition of the FIDIC Conditions of Contract concern both the form and the content of the provisions related to the independence and impartiality of the DAAB Members. The already expected prescriptiveness allows the users to know what, how and when to act with more accuracy. The text is of course perfectible, but the reorganisation, the amended, reformulated and detailed requirements stress the importance of the DAAB procedure and of the impartiality and independence of the DAAB Members. The modifications reflect the accumulated experience with DABs since 1999, solve issues and are in accordance with the current trends.

Ms. Cremona Cotovelea is an international construction lawyer specialised in FIDIC contracts, a FIDIC Certified Adjudicator, a FIDIC internationally accredited trainer for all Contracts' modules and main author of two accredited FIDIC special modules for Contracts' use in public law context: FIDIC Basic and FIDIC in Public. She is a Friendly Reviewer of the 2017 edition of the Red Book (Conditions of Contract for Construction) and of the Silver Book (Conditions of Contract for Turnkey/EPC). She is listed on the FIDIC national list of adjudicators and holds a Master's Degree in Mediation of Conflicts, 2012 and is a certified procurement expert and project manager. She acts also as counsel in international arbitration and as a claim expert. She has been a member of the FIDIC & EFCA Risk & Quality Committee (2016 – 2020) and of FIDIC Public Procurement Committee (2016 – 2019). Ms. Cotovelea is the Executive Chair of the Mediation in Administrative Contracts Dept. of the Romanian Mediation Council (2017-2020). She may be contacted at: cremona.cotovelea@tp-law.ro

*This article is part of a paper published under the title **DAB/DAAB – A comparative view between FIDIC 1999/2017 editions, Part 2 – The Members' Independence and Impartiality**, in Romanian Arbitration Journal no. 3 /2021, a publication indexed in Kluwer Arbitration, pp 76-92.*

[34] *As per the applicable law.*

[35] *SC 1.1.60 in Red Book and Yellow Book, SC 1.1.51 in the Silver Book.*

Baker McKenzie.

Baker McKenzie has received the Commercial Arbitration Activity Award in the Jus Mundi Arbitration Team of the Year Awards 2021.

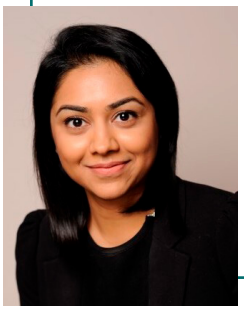
Jus Mundi appreciated Baker McKenzie's 67 commercial arbitration cases on the Jus Mundi platform and the diverse economic sectors these cases covered.

Baker McKenzie has been involved in at least 117 international cases known to Jus Mundi (67 Commercial Arbitrations, 39 Investor-States, 6 Sports Arbitrations, 5 Iran-US Claims) in a variety of economic sectors, including financial and insurance activities; manufacturing; electricity, gas, steam and air-conditioning supply; construction; wholesale and retail trade; repair of motor vehicles and motorcycles; administrative and support service activities; mining and quarrying; transportation and storage; professional, scientific and technical activities; real estate activities; information and communication; agriculture, forestry and fishing.

HOW CAN JUS MUNDI BE HELPFUL TO THE PARTIES FROM THE FORMER USSR/CIS STATES SEARCH FOR AND APPOINT ARBITRATORS?

Jus Mundi

Hanh Huynh



Sneha Ashtikar

If you work in arbitration, you will probably agree that finding the appropriate global legal information and professionals worldwide is challenging and time-consuming. All legal professionals are expected to act in the best interest of their clients, but without proper access to legal resources, how can we do that? Also, at Jus Mundi we see one of our goals in fostering the global Rule of Law. How can this be achieved?

This is precisely why Jus Mundi was created - to do the heavy lifting, creating the tech infrastructure on a single platform with all global legal resources. After all, building the global Rule of Law is everyone's responsibility, including us as legal tech. Jus Mundi, is created to develop the legal research market by democratizing access to global legal information with unprecedented efficiency, thanks to a multilingual search engine that combines international legal expertise with artificial intelligence.

Human in the loop approach

The international legal expertise comes from human lawyers working at Jus Mundi. They are at the center of AI development, notably to train the natural language processing (NLP) models with the legal vocabulary to ensure highly specific search results. And we are just getting started to fully unlock the potential of NLP methods to streamline the data-heavy legal industry. Essentially, we are putting technology as the service of the global Rule of Law. Having said that, we would like to address one common concern about the application of AI is that it may lead to automation and replace lawyers. These concerns are unfounded: NLP tools cannot replace professionals, but indeed it can make their lives easier. The power of NLP in a specialized field like the law is allowing lawyers to dedicate time towards higher-value tasks.

The need for legal tech in arbitration

In international law and arbitration, legal documents are often scattered, stored in poor pdf quality, and this is fair even for the copies of court decisions and arbitral awards. These specificities make it counter-productive to conduct legal research, leading to an even greater need for technology in arbitration. With a proper AI powered legal tech like Jus Mundi, scrolling through 300 pages of text will no longer be necessary, as the relevant section relating to a specific query will already be displayed. It also redacts any personal information using AI. This frees up time for lawyers to concentrate on other nuanced tasks rather than searching through reams of data in a 'brute force' fashion. It also allows clients seeking legal advice to find a professional with relevant experience in a few clicks.

Jus Mundi can help you in three areas:

1. Global legal research
2. Global legal professional research
3. Global legal intelligence

How exactly? We will discuss the details below.

New possibilities for global legal research

We live in a highly globalized world with global legal disputes requiring comprehensive legal research. For example, in a recent investor-State case involving two Russian investors, Severgroup and KN Holding have started an investment arbitration against France, claiming $4,5 billion. Given the cross-border nature of the case, the parties require access to global legal resources and global legal professionals to represent them.

Recognizing this need, Jus Mundi covers all cases in any language, including investment arbitration, commercial arbitration, public international law and law of the sea, and international trade law. We also offer exclusive access to case documents revealed through national proceedings in arbitration. We also publish publicly available information, such as parties, status, representatives on pending cases even if the case documents are unavailable. Knowledge is power!

Jus Mundi features international cases from more than 100 institutions globally, including Russian ones, namely, WTO, ICSID, ICC, ICJ, CAS, PCA, ICDR, IUSCT, ITLOS, SCC, LCIA, ICAC of the RF, Russian Arbitration Centre, SIAC, HKIAC, Mixed Claims Commissions, and ad hoc arbitration tribunals established under the UNCITRAL rules.

Open Access

Law is a public good. It should not just be stuck on the bookshelf but easily accessible in practice.

Note: Jus Mundi coverage data as of December 2021

This is why every legal document on Jus Mundi is freely available to everyone without requiring an account.

Exclusive arbitration content from key partnerships

1. IBA x Jus Mundi Partnership is a collaborative initiative to address the global inaccessibility issue in commercial arbitration, publish non-confidential commercial arbitration awards worldwide contributed by arbitration lawyers globally. The data is pseudonymized. At Jus Mundi, we have built upon industry knowledge to create our own system for pseudonymization. The Russian top-tier law firm Egorov Puginsky Afanasiev & Partners has contributed decisions related to international commercial arbitration cases. Thanks to these contributions, the legal research improves drastically, and we also identified arbitrators who sat on those cases, which fuels Jus Mundi's arbitrator analytics. Over 1600[1] awards published exclusively can be accessed here. If you would like to become a contributor, please click here.

2. ICC x Jus Mundi: ICC has partnered with Jus Mundi to provide full public access to all publishable ICC International Court of Arbitration awards and related documents made as of 1 January 2019. Access these awards for free here.

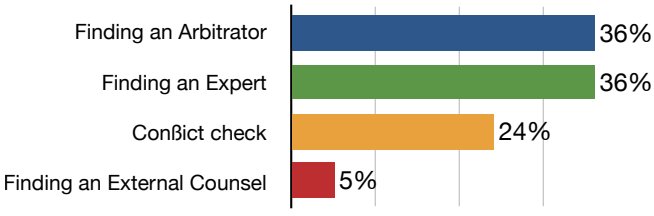
3. RAC x Jus Mundi: Jus Mundi and the Russian Institute of Modern Arbitration (RIMA) launched a new partnership between the Russian Arbitration Center (RAC) and Jus Mundi, making non-confidential RAC international arbitration awards freely available to everyone on the planet. Access these awards for free here.

The hunt for global legal professionals

Global arbitration disputes require global legal professionals. Currently, the legal market relies on unconventional methods, including general search engines, to find information on arbitrators that are not entirely reliable and not backed with factual arbitration data.

[1] *As of December 15, 2021.*

A recent survey posted on LinkedIn conducted by Jus Mundi revealed that finding experts for arbitration cases was the most time-consuming task (36%), along with finding arbitrators (36%). Can legal tech create a shortcut for this?



The future of legal network

Legal tech has already reshaped different sectors in the legal industry. Still, the methods by which legal actors search for other professionals have not undergone a similar evolution, and the information is still inaccessible.

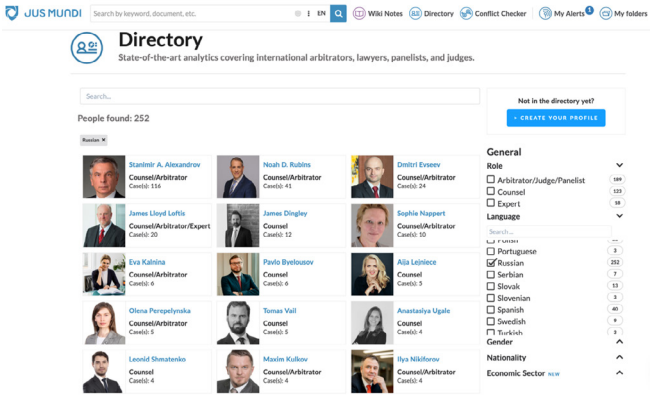
The size of your local network should not limit access to the right legal professional. Instead, it should be global and tailored to address the specific needs of international law and arbitration. However, we are making this time-consuming process extremely easy with the directory with an innovative model to access a global network of arbitrators, lawyers, and experts.

5900 Arbitrators	4300 Experts	23100 Lawyers

Jus Mundi was created to interconnect legal worlds to power global justice. Legal professionals are a core part of the legal world which Jus Mundi aims to interconnect with its Directory. The Directory is a legal professional network made for the specific needs of the international legal sector. It differentiates itself from the existing directories by providing equal access to visibility and analytics based on factual data.

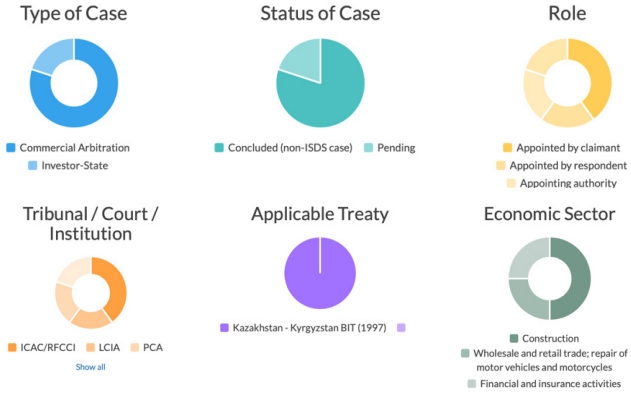
Remove the blind spots

The Directory's analytics on each profile helps practitioners evaluate the arbitrator's skills solely based on factual and transparent data. The analytics, such as the economic sector, provide unprecedented insight for the arbitrator selection process. The analytics get updated daily, displaying the latest information.



Note: Jus Mundi's directory page as of December 2021

When an in-house counsel requests a report on an arbitrator, the pdf export can be generated easily with interactive links to justify the choice. Please note that the analytics are extracted from the legal data from Jus Mundi's legal research platform.



Note: This is an extract of the arbitrator analytics on Anton Asoskov's activity

The spotlight is on you!

Reputation is everything in the legal field. With over 15 lawyers working in different teams, including the product developer for the Directory, Jus Mundi has a deep understanding of the requirements of the legal sector combined with industry knowledge (such as Search Engine Optimization) to offer the best solution. The spotlight is on you. Check out the example of Antonia Birt.

— *Jus Mundi has automatically created a profile of you:*

The Directory consists of 30,000+ automatically created profiles from the meta-data

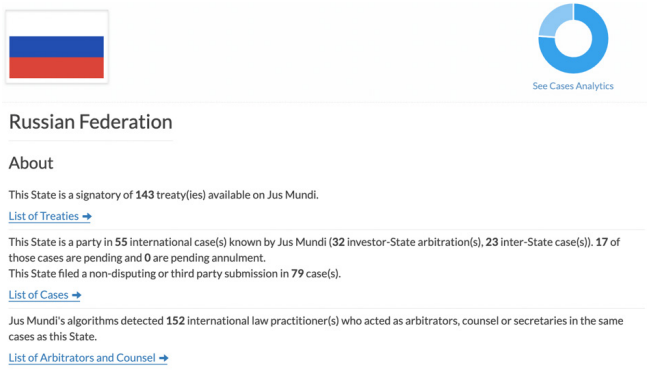
of our Seach Engine. To attract more visitors to your profile, Jus Mundi advises the respective person to **enrich** their profile with additional information.

– *You are not yet in the Directory:*

In this case, you can join the community by **creating** a new profile. To ensure the quality of our network, we will ask this person to send us proof (e.g., a publicly available case where they have been involved).

Deeper research possibilities

Jus Mundi Directory is only the starting point for arbitrator research as you can also use Arbitrator/Counsel/Expert filters in the search engine, Conflict Checker, or States Profiles.



Arbitrator/Counsel/Expert filters

The dedicated filters for arbitrators, experts, and lawyers in our search engine is another way to narrow down the search results.

1. Finding arbitrators who worked/are working on Russian-related cases? Easy! Give it a try.
2. Checking arbitrators who worked/are working on international commercial arbitration cases with Russian law applicable? Simple! Give it a try.
3. Finally, looking for arbitrators who have previously decided on "provisional application"? Also, possible! Give it a try.

Is your arbitrator conflicted?

We have seen the consequences of conflict of interest in Eiser v Spain. Conflict of interest can be dangerous not only for the law firm's reputation but also for the client for losing time & costs. Jus Mundi's Conflict Checker has been a popular feature in the arbitration market and has helped several users avoid conflicts of interest.

States Profiles

States profiles are another way of searching legal information that provides the most up-to-date and accurate information about States, and Jus Mundi regularly updates profiles. By accessing the profile of a State (i.e., Russian Federation), we could see an overview including the State as treaty signatories, party to international cases, and the persons involved with the said State (Counsels, Arbitrators, and Secretaries).

Global legal intelligence

International arbitration is dynamic: new cases, news opportunities, new arbitrators almost every day. How can you stay up to date by not doing the same research every day? My Alerts feature will be helpful for business development but also for monitoring any new activity, including of your peers and competitors. For example, follow all new developments in Severgroup and KN Holding v. France simply by putting an alert on it. Every time we add any data or document to this case, you will receive a notification. You can do the same for an arbitrator and very soon for any filter, economic sector, and keyword research on Jus Mundi.

Conclusion

The exponential growth of international arbitration caseload has been on the rise. The COVID-19 pandemic is already creating an even greater volume of work in investment and commercial arbitration than ever before, as States and companies go through economic changes and arbitration measures are implemented. We are already seeing disputes like ADP v. Chile arising out of the disruption caused by the pandemic.

The CIS region is not an exception. It means more cases, more parties, more arbitration practitioners. To stay competitive in such conditions – access to global legal resources and legal practitioners is indispensable. Without a doubt, traditional models of legal advisory must be adapted to embrace legal tech tools to obtain greater value from AI.

Baker McKenzie.

Baker McKenzie
ARBITRATION FAMILY

41
JURISDICTIONS

Winner of Commercial Arbitration Activity Award 2021
Jus Mundi

MORE THAN
140
ARBITRATION PARTNERS

Ed Poulton
Global Arbitration Chair

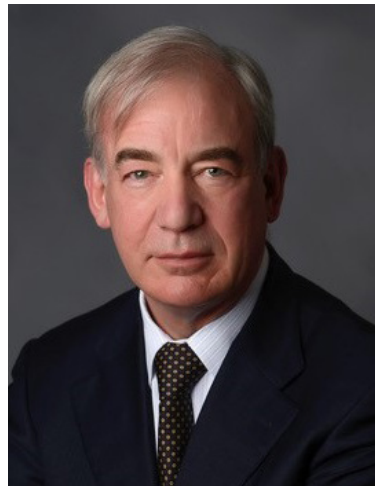
www.bakermckenzie.com

QUOTE

ARBITRATION.RU ASKED TOP ARBITRATION PRACTITIONERS TO SHARE THEIR INSIGHTS ON PROFESSIONAL SUCCESS. HERE THEY ARE!

How did you get your first appointment as an arbitrator?

John Beechey, CBE, International Arbitrator, Arbitration Chambers: My first arbitral appointment was as a sole arbitrator appointed by an arbitral institution to hear a dispute about responsibility for a disastrous fire at an airport facility in central Asia. I remember it well, because it was one of the very few occasions when I felt emboldened enough to issue an ex tempore order to dispose of an application for interim relief. Perhaps with more experience, I might have thought twice, since the effect of the order was to precipitate a settlement, thereby bringing my mandate to an abrupt and premature end!



John Beechey

Alexis Mourre, Ex-President of the ICC Court, Partner, MGC Arbitration: My first appointment as arbitrator was by the ICC upon the proposal of the French National Committee, almost 25 years ago. I think the matter was about a sale of trucks to a Scottish company. I was of course thrilled to have this first opportunity to sit as an arbitrator and decide a case. I also felt extremely honored to be entrusted with such an important role, and I felt a great sense of responsibility. This first appointment illustrates the important role that institutions play in giving young practitioners an opportunity to start a career as arbitrator. Of course, the primary role of an institution is always to select the best candidate in any given case, but it is also important that, when appropriate, they also select practitioners who have no previous experience as arbitrator.

Alexis Mourre

How to become a successful arbitrator?

J. B.: How to become a successful arbitrator is a question to which there is no set answer. I would list stamina, thorough preparation, effective, fair and empathetic case management and keeping the workload within manageable bounds – and that's just a start! But above all, one cannot dismiss the importance of being lucky - the luck to be in the right place at the right time - and once there, of having the confidence to grasp opportunities when they present themselves.

A. M.: Get your first appointment, and then work, work, work... Most of it resides in the quality and timeliness of your awards. Mastering a case requires a lot of effort in reading the sometimes voluminous submissions, exhibits, testimonies, expert reports, etc... Another fundamental quality to become a successful arbitrator is to be a good listener, which means to hold your judgment until when you have had a chance to consider the entirety of the submissions. A good arbitrator should at all stages remain open-minded and refrain from jumping to conclusions based on pre-conceived ideas or on a superficial knowledge of the record. A good international arbitrator should also have a strong international and comparative law culture: understanding that an international arbitral tribunal operates under rules that are different from those that apply in court is fundamental. Equally important is the arbitrator's ability to detach herself or himself from its own legal background and to approach the dispute from an international perspective. Finally, the most important quality of an arbitrator is a moral one: the integrity and sense of fairness without which there can be no good justice.

ЦИТАТА

ПУТЬ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ УСПЕХУ ВСЕГДА РАЗНЫЙ. НАШ ЖУРНАЛ ПОПРОСИЛ ИЗВЕСТНЫХ РОССИЙСКИХ АРБИТРАЖНЫХ ЮРИСТОВ-ПРАКТИКОВ ПОДЕЛИТЬСЯ ЛИЧНЫМ ОПЫТОМ.

Как вы получили свое первое назначение в качестве арбитра?

Сергей Усоскин, FCIArb, адвокат Double Bridge Law: Был обычный рабочий день. Я разбирал электронную почту и увидел письмо, сообщающее, что арбитражный институт рассматривает возможность назначить меня арбитром и просит подтвердить отсутствие конфликта интересов и желание выступить в этом качестве. Наверное, именно так получили первое назначение и многие другие арбитры. Арбитражный институт может знать юриста по прошлым разбирательствам, в которых тот участвовал как представитель или секретарь состава арбитража, а также по конференциям и публикациям. Выбирая молодого арбитра, институт, вероятно, ожидает, что тот даже в небольшом деле сделает не только все необходимое, но и сверх того – как говорится, go extra mile – в плане анализа материалов, тщательности и скорости работы. Разумеется, предыдущий опыт взаимодействия с юристом должен давать основания для таких ожиданий.

Сергей Усоскин

Максим Кульков

Максим Кульков, FCIArb, партнер АБ «Кульков, Колотилов и партнеры»: Первое свое «назначение» я получил на студенческом Конкурсе им. Вильяма Виса – в игровых спорах стать арбитром несложно, а тренировка отличная. Первым же моим реальным делом стал спор по правилам Арбитражного центра при РСПП, и назначил меня секретариат этого центра. Там на кону стояло всего каких-то 2–3 млн руб., но дело оказалось непростым. Я успел принять участие еще примерно в десятке таких процессов (в качестве арбитра от стороны, единоличного арбитра или председателя коллегии), прежде чем получил назначение арбитром от стороны в крупном международном споре – арбитраже по правилам SCC.

Как построить карьеру арбитра?

С. У.: Есть разные возможности. Не секрет, что стороны порой ищут арбитра, который будет поддерживать позицию назначившей его стороны. Таким арбитром можно оказаться случайно – если просто придерживаться определенной позиции по конкретному правовому вопросу, который является критичным для дела. Есть и другие арбитры – о них особенно часто говорят в контексте инвестиционного арбитража, – чью точку зрения на ряд проблем можно предсказать заранее. Мне ближе другой путь: когда стороны и их представители понимают, что арбитр тщательно разберется в обстоятельствах дела, потратит необходимое время на ознакомление с документами и не всегда одинаково интересными техническими деталями, внимательно выслушает аргументы сторон и будет готов убедительно объяснить свою позицию другим арбитрам. Важно, чтобы об этих качествах арбитра знали те, кто принимает решения о назначении. Продемонстрировать свой подход можно, опять же, в роли представителя (и юристам оппонентов, и арбитрам) или в других форматах: в выступлениях на конференциях и семинарах, а также в совместных проектах (например, в рамках рабочих групп РАА). Кроме того, нужно всегда быть на виду: тогда, задумавшись об очередном назначении, о вас не забудут. Именно поэтому необходимы такие проекты, как Russian Arbitrators Guide: Next Generation, GAR ART и Arbitrator Intelligence, – принимая одно из самых важных решений для дела, стороны должны иметь полную информацию о том, из кого они могут выбирать.

М. К.: Надо быть публичной фигурой, чтобы на вас вообще обратили внимание. Признание в профессиональной среде достигается прежде всего через опыт участия в арбитраже в качестве представителя стороны. Кроме того, большое значение имеет сарафанное радио. Хорошо отсудите дело – коллеги-арбитры (если спор рассматривался коллегиально) и стороны будут рекомендовать вас другим.

ПРОБЛЕМА ПРЕДВЗЯТОСТИ АРБИТРА

Константин Кроль
партнер Dentons, арбитр ,FCIArb

Непредвзятость и независимость арбитра, бесспорно, краеугольный камень арбитражного (третейского) правосудия[1]. Возможность существования и обеспечения данных условий является предметом анализа настоящей статьи.

Фундаментальный принцип непредвзятости и независимости арбитра как требования к осуществлению третейского разбирательства закреплен в Типовом законе ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 года, Арбитражном регламенте ЮНСИТРАЛ и регламентах постоянно действующих арбитражных учреждений, Законе РФ «О международном коммерческом арбитраже»[2], Правилах IBA о конфликте интересов в международном арбитраже, Правилах о беспристрастности и независимости третейских судей, утвержденных приказом ТПП РФ от 27 августа 2010 года № 39 и т.д.

Наличие и/или нераскрытие арбитром конфликта интересов, как и коррупционная заинтересованность арбитра, могут повлечь за собой отвод арбитра, или признание арбитражного решения недействительным, или отказ в признании и приведении решения в исполнение. Разумеется, наличие обстоятельств, «вызывающих обоснованные сомнения» относительно беспристрастности или независимости арбитра, необходимо доказать, что весьма непросто.

В доктрине обычно исходят из того, что *независимость* арбитра, под которой понимается отсутствие между арбитром и сторонами отношений, могущих повлиять на арбитра при вынесении решения, является фактическим обстоятельством, которое может быть объективно подтверждено, тогда как *беспристрастность* – это состояние ума арбитра, предполагающее отсутствие у него субъективной либо заранее сформированной позиции[3].

Существуют различные мнения о том, следует ли отождествлять независимость и беспристрастность при оценке непредвзятости[4] или все же рассматривать эти понятия отдельно, поскольку в их основе лежат разные критерии – объективный и субъективный[5].

---

[1] *Born. G. B. International Commercial Arbitration. 2nd ed. Kluwer Law International, 2014. P. 1759; Lew J. D. M., Mistelis L. A., Krol S. M. Comparative International Commercial Arbitration. The Hague: Kluwer Law International, 2003. P. 95; Blackaby N., Partasides C., Redfern A., Hunter M. Redfern and Hunter on International Arbitration. 5th ed., Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 266.*

[2] *Часть 6 ст. 11 Закона РФ от 7 июля 1993 года № 5338-1 (ред. от 25 декабря 2018 года) «О международном коммерческом арбитраже».*

[3] *Очирова С. Непредвзятость арбитров в международном коммерческом арбитраже: подходы к оценке // Международное правосудие. 2018. № 1 (25). С. 123.*

[4] *Ванюкова Е. М. Независимость и беспристрастность арбитров в международном коммерческом арбитраже // Вестник международного коммерческого арбитража. 2014. № 2. С. 52–53.*

[5] *Очирова С. Указ. соч. С. 123.*

Возможен ли сценарий, при котором арбитр, отвечающий всем внешним признакам независимости, тем не менее проявляет предвзятость? В какой мере арбитр, являясь человеком из плоти и крови, может всегда оставаться непредвзятым? Наконец, может ли человек вообще быть непредвзятым (беспристрастным)?

На первый взгляд кажется, что если у лица нет личной заинтересованности или конфликта интересов, то нет и оснований быть предвзятым. Однако такое утверждение не выдерживает проверки. Теоретическая и практическая психология и обычный житейский опыт говорят о том, что человек – продукт воспитания, образования, профессионального и жизненного опыта, окружающей его социальной и информационной среды, дитя своего времени. Матрица восприятия и мировоззрение закладываются у человека еще в детстве и, активно развиваясь в подростковом возрасте, окончательно формируются к моменту получения высшего образования, часто не претерпевая кардинальных изменений в течение жизни. Арбитр здесь не является исключением.

Наивно утверждать, что профессиональная подготовка и опыт арбитра ограждают его от наличия возможной предвзятости, свойственной всем людям. Конечно, чем выше образовательный уровень, шире кругозор и больше опыт, тем вероятнее человек готов подняться над стандартной матрицей восприятия. В то же время многолетний стаж подчас приводит к закостенению и ригидности, когда утрачиваются гибкость мышления и открытость к новому, которые так важны в современном быстро меняющемся мире. Особенно отчетливо это проявляется в момент смены политических и экономических формаций, когда незыблемые, казалось бы, истины подвергаются кардинальному пересмотру. Например, существует широко распространенное искажение восприятия, при котором человек отбирает из информационного потока только те факты, которые подтверждают сложившуюся у него картину мира (confirmation bias).

Иными словами, многолетний профессиональный опыт не только преимущество, но и недостаток: он неизбежно детерминирует подход арбитра к рассматриваемой ситуации. У давно работающего арбитра подчас возникает профессиональная деформация, когда он на основе своего прошлого опыта приходит к определенным выводам уже в начале процесса, после ознакомления с иском и отзывом. В этом случае возникает риск, что все последующие аргументы и приводимые в ходе процесса и слушаний доказательства сторон будут восприниматься арбитром через призму подтверждения уже сложившейся у него изначально картины дела.

Если суть спора не нова и стороны находятся в сопоставимых «весовых категориях» (госкомпания против госкомпании, частная компания против частной и т.п.), как зачастую и бывает в стандартных процессах в рамках одной юрисдикции (так называемые внутренние споры), то предвзятость проявляется в меньшей мере. Однако в сложных трансграничных спорах, где в том числе сталкиваются разные культуры, обычаи делового оборота, юридические школы и традиции, не говоря уже о геополитических факторах, проблема предвзятости приобретает особую остроту.

При этом сам арбитр может не осознавать и даже отвергать наличие у себя какой-либо предвзятости – это так называемая неосознанная предвзятость (unconscious bias). Она существует на разных уровнях и может принимать форму предвзятости по гендерному, расовому, национальному, этническому, религиозному, географическому, политическому, образовательному, социальному, классовому, корпоративному, профессиональному, языковому и многим другим признакам, а также их сочетанию. Также человеку свойственно с большим доверием относиться к «своим» – носителям привычного культурного и профессионального кода, который так или иначе включает в себя все вышеперечисленные признаки, нежели к чужаку, не вписывающемуся в знакомую матрицу восприятия.

Как известно, существенная часть наиболее крупных и сложных трансграничных споров с участием российских сторон рассматривается в иностранных арбитражных институтах. При этом практика ведущих зарубежных арби-

тражных институтов показывает, что российские арбитры выбираются сторонами или назначаются институтом крайне редко. Во многом это вызвано упомянутой ригидностью мышления: в прошлом сложилось предубеждение, что российские арбитры якобы подвержены давлению и не всегда обладают достаточной компетентностью для разрешения сложного спора. Возможно, 20–30 лет назад, когда российская экономика и право находились в процессе перехода, а рынок только формировался, для такого взгляда действительно имелись основания. Однако новое поколение российских профессионалов обладает необходимым опытом и знаниями, позволяющими компетентно разрешать любые споры с российским элементом. При этом наши специалисты до сих пор привлекаются в арбитражный процесс в лучшем случае в качестве представителей сторон или экспертов, но крайне редко в качестве арбитров.

Следует признать, что в вопросе назначения арбитров присутствует сильный консерватизм. Так, в Лондонском международном арбитражном суде (LCIA) арбитрами в основном назначаются королевские адвокаты (Queen's Counsel, QC) – наиболее авторитетные английские барристеры (судебные адвокаты). Королевские адвокаты отличаются огромным процессуальным опытом и глубоким знанием права и, как правило, неоднократно сталкивались с трансграничными спорами. При этом среда королевских адвокатов достаточно однородна: это в большинстве своем выпускники Кембриджа и Оксфорда, принадлежащие к достаточно закрытой узкой социальной и профессиональной группе.

На современном этапе формирование панели присяжных в суде присяжных из представителей только одного слоя общества считается недопустимым – почему же такой подход сохраняется в международном арбитраже? Ведь если все арбитры, входящие в состав арбитража по делу, обладают одинаковым культурным кодом, опытом и образованием и находятся в одной и той же информационной среде, возрастает риск возникновения у них общей аберрации восприятия.

Считается правильным обязывать присяжных воздерживаться от ознакомления с информацией о слушаемом деле, представленной в СМИ и иных внешних источниках. Например, в США при рассмотрении наиболее сложных дел практикуется так называемое секвестирование жюри присяжных (jury sequestration), когда присяжных на время процесса изолируют от внешнего влияния – размещают в отеле с ограничением доступа к телевидению, интернету и печатным СМИ. Все эти меры призваны воспрепятствовать формированию у присяжных предубеждения при вынесении решения. Арбитр же, напротив, постоянно находится в информационной среде, где может продвигаться достаточно односторонняя повестка. Геополитические реалии сегодняшнего мира и жесткая международная конкуренция проявляются в агрессивном и подчас однонаправленном информационном фоне, который не может не влиять на арбитра.

Автору приходилось сталкиваться с мнением о том, что даже наиболее опытные и авторитетные британские арбитры не всегда в полной мере понимают специфику российских споров, что заметно в некоторых решениях. Это не является исключительно российской проблемой – схожие ситуации возникают в трансграничных спорах с участием сторон и из других юрисдикций с отличными от англо-саксонских традициями, например из Китая.

Автор склонен согласиться с лордом Сампшином (Jonathan Supmtion), бывшим судьей Верховного суда Англии, в том, что не следует преувеличивать значение индивидуального эмпирического опыта судьи по сравнению с опосредованным опытом[6] (vicarious experience)[7].

---

[6] *В философии и психологии под индивидуальным, или непосредственным, опытом понимается опыт конкретного человека, основанный на его непосредственных переживаниях и никак не связанный с опытом других людей или существующими на этот счет знаниями, догмами и т.п., тогда как опосредованный опыт основан на приобретенных знаниях и информации, но не на личном переживании (например, прочитать в книге о ядовитых змеях – это опосредованный опыт, а быть укушенным ядовитой змеей – непосредственный).*

[7] *Sumption J. Law in a Time of Crisis. Home Truths about Judicial Diversity. 1921. P. 118.*

Однако данная позиция справедлива прежде всего для внутренних споров и несколько ослабевает в отношении трансграничных споров, когда многоопытный арбитр из одной юрисдикции может не в полной мере понимать особенности культуры ведения бизнеса и специфики отношений сторон спора из юрисдикции с существенно отличающимися менталитетом и правовыми традициями. Проблема заключается в том, что в отсутствие личного опыта арбитры из однородной среды склонны полагаться на коллективный эмпирический опыт, выработанный именно в этой среде (юрисдикции), и опыт, сложившийся в иной, отличной среде, может не восприниматься ими вследствие когнитивного искажения. Возможно, свою роль здесь играет и наличие неосознанной предвзятости арбитра.

Единственным действенным способом достижения сбалансированной позиции арбитражного трибунала в трансграничном споре представляется диверсификация его состава и привлечение в качестве арбитров профессионалов, обладающих не только глубокими знаниями права и рыночной практики, но и специфическим региональным опытом.

Скорее всего, неосознанная предвзятость арбитра неизбежна. Однако чем выше диверсификация состава арбитража и шире международный опыт арбитров, тем меньше вероятность, что у всех будет идентичная неосознанная предвзятость, и больше шансов, что в ходе обсуждения арбитры с разносторонним опытом смогут выработать наиболее взвешенное, сбалансированное и непредвзятое решение.

Самим же арбитрам необходимо помнить о существовании неосознанной предвзятости как неизбежного искажения сознания и стремиться к максимальной осознанности при формирования своего мнения по делу, руководствуясь разумом, аргументами сторон, фактами и доказательствами, а не подсознательными убеждениями.

ПРЕДОТВРАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРЕОДОЛЕТЬ: ПРОВЕРКА ВОЗМОЖНОЙ ПРЕДВЗЯТОСТИ АРБИТРА НА ЭТАПЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТРИБУНАЛА

Татьяна Невеева
советник, соруководитель направления международного арбитража, АБ «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры», Москва

Предвзятость есть тягчайшее преступление интеллекта.
Имре Лакатос, математик, методолог науки

Ни для кого не секрет, что беспристрастность арбитра является фундаментальным принципом международного арбитража. Однако на практике добиться формирования абсолютно беспристрастного трибунала оказывается не так просто. Очевидным является лишь то обстоятельство, что предотвратить возникновение проблемы легче, чем работать с предвзятостью уже назначенного арбитра. Как же распознать потенциальную предвзятость и какими инструментами для этого можно воспользоваться?

Ответы на эти вопросы во многом зависят от того, с каким типом предвзятости сталкивается участник процесса. Возможную предвзятость арбитра можно разделить на два условных типа:

1. Объективная предвзятость, в основе которой лежат очевидные и проверяемые предпосылки – например, финансовая заинтересованность арбитра в исходе дела, наличие родственных или профессиональных связей со сторонами спора и иные обстоятельства, свидетельствующие о конфликте интересов.
2. Неосознанная предвзятость, обусловленная невольными когнитивными искажениями, которые влияют на процесс принятия решения арбитром.

Важно подчеркнуть, что когнитивные искажения присущи практически всем людям, поскольку, принимая решения, мы используем не только рациональное, но и иррациональное мышление, то есть полагаемся на чувства, эмоции, интуицию. Несомненно, арбитр как профессионал своего дела старается сохранять нейтралитет и идти

по пути рационального выбора. Однако некоторые ловушки мышления действуют настолько незаметно, что даже самый опытный и объективный специалист не может им противостоять.

Одним из наиболее распространенных когнитивных искажений является эгоцентрическое искажение (egocentric bias) – тенденция слишком сильно полагаться на собственное восприятие и/или иметь необоснованно высокое мнение о себе[1].

Проиллюстрируем данное явление на примере. В рамках эксперимента «Показатели отмены»[2] судей из США попросили оценить, как часто в течение их карьеры вышестоящие суды пересматривали вынесенные ими решения. Судьям было предложено отнести себя к одной из четырех групп в зависимости от процента отмены актов, где группа 1 – более 75% отмен, группа 2 – более 50%, группа 3 – более 25%, группа 4 – менее 25%.

56,1% респондентов отнесли себя к последней группе (тех, чьи решения отменяются реже всего) и лишь 4,5% – к первой (то есть к числу тех, чьи решения часто пересматриваются другими инстанциями). При этом 90% судей отметили, что как минимум половина их коллег имеет более высокий показатель пересмотра решений, чем они сами.

Опасность эгоцентрического искажения состоит в том, что арбитр, убежденный в своей правоте, может игнорировать объективные факты и аргументы сторон, не замечая собственных ошибок. При этом он не осознает своей предвзятости и уверен, что способен объективно рассмотреть дело вне зависимости от обстоятельств.

Учитывая несовершенство процесса познания, задача консультантов – подобрать такой состав трибунала, который позволит снизить вероятность как объективной, так и неосознанной предвзятости арбитров.

Какие же факторы следует учесть на этапе формирования трибунала?

Знай врага и знай себя: тогда в тысяче битв не потерпишь поражения.

Сунь Цзы, полководец

Если дело рассматривается коллегиально, то проверку возможной предвзятости следует проводить по трем фронтам:

1. **В отношении арбитра, назначенного оппонентом**: необходимо обеспечить отсутствие негативной предвзятости, заявить обоснованные возражения против назначения арбитра при возникновении любых сомнений в его объективности.
2. **В отношении своего арбитра**: следует найти такого кандидата, которому психологически комфортно взаимодействие с назначившей его стороной

[1] *Arbitral Decision-making: Art, Science or Sport? Lucy Reed / The Kaplan Lecture. 2012. URL: https://cdn.arbitration-icca.org/s3fs-public/document/media_document/reed_tribunal_decision-making.pdf.*

[2] *Behavioral Insights into International Arbitration: An Analysis of How to De-Bias Arbitrators, Jan-Philip Elm. URL: http://ssrn.com/abstract=2973266.*

и который поможет преодолеть культурные различия между сторонами и арбитрами. «Назначенный стороной арбитр не может быть адвокатом или работником стороны, но может и должен играть положительную роль» [3].

3. **В отношении председательствующего арбитра***:* как минимум нужно добиваться отсутствия негативной предвзятости.

Основополагающей при формировании трибунала является доскональная проверка потенциальных кандидатов на наличие конфликта интересов. Подспорьем для решения этой задачи служат Руководящие принципы относительно конфликта интересов в международном арбитраже, разработанные Международной ассоциацией юристов[4]. Данный документ не имеет обязательной силы, однако получил в арбитражном сообществе широкое признание и повсеместно применяется на практике. В Руководящих принципах содержится неисчерпывающий перечень наиболее явных обстоятельств, которые могут формировать конфликт интересов, в частности трудовые отношения потенциального арбитра с участниками процесса, иная форма финансовой заинтересованности, регулярность назначения одними и теми же консультантами и т.п. О наличии конфликта могут свидетельствовать и обстоятельства, не перечисленные в Руководящих принципах, а значит, на первом этапе необходимо собрать всю доступную информацию о потенциальных арбитрах, чтобы иметь возможность при необходимости заявить их отвод.

Для проверки на наличие конфликта интересов можно использовать автоматизированные инструменты, такие как Conflict Checker от Jus Mundi[5] или Arbitrator Intelligence Reports[6]. В них содержатся агрегированные данные об известных специалистах в области арбитража, включая их связи с юридическими фирмами, назначения в трибуналы, работу с другими арбитрами при рассмотрении различных дел. Подобные сведения публикуются и на сайте ICC[7]. Конечно, информация в таких базах является далеко не полной и уж точно не проливает свет на дружеские или родственные отношения возможных участников процесса. Поэтому следует пользоваться и другими источниками информации, включая социальные сети и интернет-поисковики.

При обнаружении конфликта интересов необходимо немедленно заявить об этом (если дело касается арбитра от оппонента или председателя состава арбитража) и воздержаться от предложения в качестве собственного арбитра кандидатуры, чья объективность сомнительна.

На втором этапе вас ждет более творческая часть анализа – исследование мнения арбитра по вопросам, затрагиваемым в относимом деле. Релевантную информацию можно почерпнуть из публикаций, комментариев, выступлений арбитра на профессиональных мероприятиях и т.п.

Важность данного этапа обусловлена тем, что арбитр, публично выразивший свое мнение по тому или иному правовому вопросу, с высокой степенью вероятности будет отстаивать свою позицию и в дальнейшем. Подобное поведение может быть основано на так называемой предвзятости подтверждения (confirmation bias) – стремлении искать и интерпретировать такую информацию или отдавать предпочтение такой информации, которая согласуется с его точкой зрения, убеждением или гипотезой[8].

Само по себе наличие публикаций по определенному правовому вопросу в прак-

---

[3] *De Fina A. The Party Appointed Arbitrator in International Arbitration – Role and Selection. Arbitration International. 1999. Vol. 15. No 4. P. 382.*

[4] *IBA Guidelines on Conflict of Interest in International Arbitration.*

[5] *URL: https://jusmundi.com/en/conflict-checker.*

[6] *URL: https://app.arbitratorintelligence.com.*

[7] *URL: https://iccwbo.org/dispute-resolution-services/arbitration/icc-arbitral-tribunals/.*

[8] *The Roles of Psychology in International Arbitration, edited by Tony Cole. URL: https://sussmanadr.com/wp-content/uploads/2018/12/Biases-and-Heuristics-Sussman-no-TOC-Kluwer-book-chapter-2017.pdf.*

тике арбитражей не рассматривается в качестве достаточного основания для отвода арбитра[9]. В то же время очевидно неразумен выбор в качестве арбитра лица, которое ранее неоднократно занимало правовую позицию, противоположную позиции назначающей стороны. Если же риск предвзятости подтверждения обнаружен у кандидата от оппонентов, стоит удвоить усилия по поиску оснований для отвода такого арбитра.

Следующим шагом в работе с возможной предвзятостью арбитра является анализ его профессионального и иного жизненного опыта. Исследования в области психологии арбитража легко объясняют необходимость такой проверки. Так, ученые смоделировали спор между мнимым брокером и производителем продукции. Суть спора сводилась к правомерности расторжения контракта по инициативе брокера. Рассмотреть модельный спор предложили группе арбитров, одна часть которых на самом деле состояла из профессиональных брокеров, а вторая имела дело с производством товаров. Проведенное исследование показало, что в этом смоделированном споре арбитры, которые имели опыт работы брокерами, были гораздо более склонны поверить в позицию брокера, чем арбитры-производители[10].

Условную пирамиду факторов, имеющих значение при оценке возможной предвзятости арбитра, завершают:

- психологический портрет личности с акцентом на характеристики, значимые для выполнения роли арбитра: способность к коллективной работе, самооценка, социальные установки, волевые качества и т.д.;
- культурный код – особенности мировосприятия и поведения в деловой среде, обусловленные помимо прочего принадлежностью арбитра к той или иной национальной культуре;
- другие факторы, зависящие от конкретных обстоятельств спора. Например, очевидно, что ответчику по делу о взыскании убытков, спровоцированных разливом нефти, не следует назначать арбитром члена общественной организации по защите морской среды.

Конечно, далеко не всегда удается собрать достаточно сведений о кандидате, если консультант не знаком с ним лично. Именно поэтому консультант должен постоянно поддерживать и расширять профессиональные связи в области арбитража: так он сможет помочь клиенту с выбором арбитра и обеспечить формирование сбалансированного трибунала.

---

[9] *См. дело Urbaser SA and another v. Argentina, ICSID Case No ARB/07/27 (Decision on Claimants' Proposal to Disqualify).*
[10] *The Roles of Psychology in International Arbitration, edited by Tony Cole. URL: https://sussmanadr.com/wp-content/uploads/2018/12/Biases-and-Heuristics-Sussman-no-TOC-Kluwer-book-chapter-2017.pdf.*

РУССКИЙ «СВЕТОФОР»: НУЖНЫ ЛИ ДРУГИЕ ЦВЕТА?

Зачем в России стандарты независимости арбитров, отличные от международно признанных?

Владимир Хвалей
председатель РАА, партнер Baker McKenzie, Москва

30 сентября 2021 года Торгово-промышленная палата РФ приняла Правила о беспристрастности и независимости арбитров (далее – Правила ТПП РФ)[1], сменившие – с некоторыми коррективами – предыдущую версию от 2010 года[2]. Несмотря на то что данный документ, как исходящий не от государственного органа, а от ТПП, носит рекомендательный характер[3], государственные суды достаточно часто ссылаются на него в делах, в которых поднимается вопрос о независимости и беспристрастности арбитров[4].

При этом Правила ТПП РФ не единственный документ, устанавливающий стандарты независимости арбитров. Так, в 2004 году Международная ассоциация юристов опубликовала Руководящие принципы относительно конфликта интересов в международном арбитраже, которые были изменены и дополнены в 2014 году[5] (далее – Руководство IBA). В Руководстве IBA сформулированы три списка обстоятельств, которые могут возникнуть при ведении международного арбитража:

---

[1] *Правила о беспристрастности и независимости арбитров (утв. приказом ТПП РФ от 30 сентября 2021 года № 110, вступили в силу 1 ноября 2021 года). URL: https://mkas.tpprf.ru/upload/iblock/064/064fa1c589a7094081597047515f965f.pdf.*

[2] *Правила о беспристрастности и независимости третейских судей (утв. приказом ТПП РФ от 27 августа 2010 года № 39, действовали до 31 октября 2021 года). URL: https://mkas.tpprf.ru/ru/materials/.*

[3] *Для третейских судов в системе ТПП РФ он является обязательным.*

[4] *Постановление ФАС Московского округа от 10 октября 2011 года по делу № А40-35844/11-69-311. Арбитры не раскрыли информацию о том, что они состоят в трудовых отношениях с теми же научными учреждениями, что и лица, подписавшие заключения специалистов, которые были представлены истцом в дело.*

Определение Арбитражного суда г. Москвы от 12 апреля 2011 года по делу № А40-7193/11-8-57. Суд указал, что включение в список арбитров МКАС при ТПП РФ не противоречит Правилам ТПП РФ, так как данный список является рекомендательным. В отмене арбитражного решения было отказано.

Постановление ФАС Поволжского округа от 12 сентября 2013 года по делу № А65-4700/2013. В ходе арбитражного разбирательства ответчиком был заявлен отвод арбитру, так как тот ранее находился в трудовых отношениях с истцом и впоследствии являлся ведущим юрисконсультом в компании, аффилированной с истцом. Суд со ссылкой на ч. 3 ст. 6 Правил ТПП РФ пришел к выводу, что указанные обстоятельства нарушают принцип субъективной беспристрастности, в связи с чем требование о выдаче исполнительного листа удовлетворению не подлежит.

[5] *MediaHandler (ibanet.org).*

- красный – обстоятельства, при наличии которых юрист не должен принимать назначение в качестве арбитра или заявленный отвод должен быть удовлетворен;
- оранжевый – пограничные обстоятельства, которые обязательно должны быть раскрыты сторонам;
- зеленый – обстоятельства, не подлежащие раскрытию.

Цвета, очевидно, были выбраны по принципу светофора: красный – запретительный, оранжевый – предупредительный, зеленый – разрешительный.

Руководство IBA очень быстро получило международное признание, сегодня его берут за основу при разрешении вопроса о наличии или отсутствии конфликта интересов не только ведущие международные арбитражные институты, такие как ICC, LCIA, SCC и др., но и судебные инстанции разных стран[6].

Кажется, что принципы независимости и беспристрастности арбитров должны быть одинаковыми во всем мире. Действительно, они не должны определяться ни политикой, ни географией: не может быть так, что арбитр, независимый по английским критериям, вдруг станет зависимым по немецким. Введение национальных стандартов независимости арбитров, отличных от международно признанных, автоматически делает такую страну менее привлекательной для арбитража: сложно объяснить сторонам, зачем нужны особые критерии, тем более когда они не доступны на английском языке. Именно поэтому найти пример регионального регулирования принципов определения конфликта интересов в арбитраже трудно – и тем большее внимание привлекают Правила ТПП. Прежде всего следует отметить, что появление этого документа было спровоцировано некоторыми решениями российских судов, имевшими далеко идущие последствия. Так, 19 сентября 2006 года состав арбитров, действующий по Регламенту МКАС при ТПП РФ, вынес решение по двум делам и удовлетворил требования компании Yukos Capital к ОАО «Юганскнефтегаз»[7]. Однако 23 мая 2007 года Арбитражный суд г. Москвы отменил оба решения, указав следующее[8]:

«Как следует из вводной части решений МКАС при ТПП РФ № 143/2005, 145/2005, компанию “Юкос Кэпитал С.а.р.л.” представляла Т., которая является управляющим партнером адвокатского бюро “Н”... При этом адвокатское бюро “Н” являлось организатором наряду с Торгово-промышленной палатой РФ Международной конференции “Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров: 25 лет практики применения”, материалы которой обозревались в судебном заседании. Конференция проводилась 7–8 ноября 2005 года. Докладчиками на этой конференции являлись в том числе арбитры по вышеуказанным делам МКАС при ТПП РФ. Адвокатское бюро “Н” участвовало также в организации семинара в ноябре 2004 года в Вене (Австрия) “Актуальные вопросы арбитража «Восток – Запад»”, в котором в числе докладчиков указывались арбитры, принимавшие участие в рассмотрении третейских дел № 143/2005, 145/2005. Таким образом, арбитры участвовали в коммерческой конференции и семинаре, организованных в том числе адвокатским бюро “Н”, управляющий партнер которого Т. представляла интересы одной из сторон третейского разбирательства.

Несообщение данной информации ответчику третейского дела лишило последнего

---

[6] См., к примеру, решение по делу Halliburton Company (Appellant) v. Chubb Bermuda Insurance Ltd [2020] UKSC 48, которое в настоящий момент является ведущим прецедентом по вопросу конфликта интересов. В данном деле суд отметил, что Руководство IBA устанавливает международно признанные стандарты практики арбитража. URL: https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2018-0100-judgment.pdf (подробнее об этом решении читайте в англоязычной части текущего номера Arbitration.ru – Прим. ред.).

[7] Решения МКАС при ТПП РФ от 19 сентября 2006 года № 143/2005, 145/2005 по искам компании «Юкос Кэпитал С.а.р.л.» к ОАО «Юганскнефтегаз», универсальным правопреемником которого является ПАО «НК “Роснефть”».

[8] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 23 мая 2007 года по делу № А40-4577/07-8-46.

возможности воспользоваться его процессуальным правом, предусмотренным законом “О международном коммерческом арбитраже”, заявить отвод арбитру.

Поскольку управляющим партнером адвокатского бюро “Н” является Т., то участие последней со стороны истца в процессе рассмотрения дел № 143/2005, 145/2005 несовместимо с основополагающими принципами российского права, такими как равенство и состязательность сторон.

Нарушение основополагающих принципов российского права является нарушением публичного порядка РФ».

Таким образом, факт выступления арбитров на конференции, в числе спонсоров которой была юридическая фирма, представлявшая одну из сторон спора, оказался достаточным для отмены судом вынесенного арбитражного решения. Ни отсутствие гонорара за это выступление, ни наличие у конференции множества разных спонсоров не повлияли на выводы суда. Вышестоящие суды оставили решение суда первой инстанции в силе[9], указав, правда, что данное нарушение – нарушение не публичного порядка, а процедуры арбитражного разбирательства, согласованной сторонами, что является основанием для отмены арбитражного решения.

Следует заметить, что эти два решения МКАС, хоть и отмененные российскими судами, впоследствии были признаны иностранными судами, которые не усмотрели в данных решениях нарушения принципов независимости и беспристрастности арбитров.

Так, 28 апреля 2009 года Апелляционный суд г. Амстердама подтвердил исполнение решений МКАС при ТПП РФ на территории Нидерландов, и Верховный суд Нидерландов оставил данное решение в силе[10]. При этом голландские суды не признали постановления российских судов об отмене решений МКАС, указав, что разбирательство в судах не было беспристрастным и независимым.

В 2009 году компания Yukos Capital также подала иски о признании и приведении в исполнение решений МКАС при ТПП РФ в Суд штата Нью-Йорк, Высокий суд правосудия в Лондоне, Высокий суд правосудия в Дублине и Королевский суд острова Джерси, в рамках которых были наложены аресты на активы «Роснефти»[11]. Во всех указанных делах отмененные в России решения МКАС при ТПП РФ были признаны иностранными судами, причем английский суд указал, что арбитражное решение может быть исполнено в Англии, даже если оно было отменено по месту арбитража, в случае если решение об отмене противоречит принципам справедливости, а также концепции публичного порядка.

Но вернемся в Россию. Помимо того, что данное дело наделало много шума и имело множество косвенных последствий[12], оно также создало реальные проблемы для разрешения других, менее политизированных дел: при отсутствии какого-либо регулирования вопросов независимости арбитров возникал риск того, что российские суды могут даже самые безобидные факты (например, то, что арбитр и сторона являются выпускниками одного и того же института) истолковать как отсутствие независимости арбитра и, соответственно, отменить решение арбитража. Иностранные

---

[9] Постановление ФАС Московского округа от 26 июля 2007 года; определение ВАС РФ от 10 декабря 2007 года № 14955/07 по делу № А40-4577/07-8-46, А40-4582/07-8-47.

[10] Решение Апелляционного суда Нидерландов от 28 апреля 2009 года по делу ОАО «Роснефть» v. Yukos Capital S.à.r.l., URL: Netherlands / 28 April 2009 / Netherla... - CaseLaw - NYCG 1958 (newyorkconvention1958.org).
Решение Верховного суда Нидерландов от 25 июня 2010 года по делу ОАО «Роснефть» v. Yukos Capital S.à r.l., URL: https://newyorkconvention1958.org/index.php?lvl=notice_display&id=4475&opac_view=2.

[11] URL: https://www.interfax.ru/business/143103.

[12] Так, в 2010 году ТПП РФ пересмотрела правила назначения председателя МКАС при ТПП РФ, установив максимальный двухлетний срок. В результате полномочия профессора А. С. Комарова, который занимал пост председателя с 1993 года, были переданы профессору А. А. Костину, который продолжает исполнять свои обязанности по сей день, несмотря на введенные ограничения. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20100802/250492812.html.

источники регулирования данного вопроса (то есть Руководство IBA) традиционно имеют для российских судей меньший вес, чем мнение отечественных специалистов.

В этих непростых обстоятельствах ТПП РФ проявила инициативу разработать российские рекомендации по установлению принципов независимости и беспристрастности арбитров. И хотя в рабочей группе обсуждался вариант документа, при котором за основу будет взято Руководство IBA с дополнением, отражающим российскую специфику, в вечном конфликте западников и славянофилов победили последние[13]. Как следствие, Правила ТПП РФ появились в качестве самостоятельного документа, а не дополнения к Руководству IBA.

Хотя Правила ТПП РФ не содержат ссылки на Руководство IBA, они следуют той же философии. В частности, здесь также есть три списка обстоятельств: препятствующие принятию назначения, требующие раскрытия и не требующие раскрытия[14], однако они не названы «красным», «оранжевым» и «зеленым» – очевидно, чтобы избежать обвинений в плагиате.

С одной стороны, Правила ТПП РФ устанавливают более консервативные стандарты, чем Руководство IBA. Например, они не делят обстоятельства красного списка, препятствующие принятию назначения, на те, в отношении которых стороны могут прямо отказаться, и те, отказ от которых не допускается. Наличие обстоятельств, включенных в красный список, автоматически влечет за собой дисквалификацию арбитра.

Кроме того, Правила ТПП РФ рассматривают взаимоотношения арбитров не только со сторонами, но также с экспертами и даже со свидетелями[15]. А поскольку в качестве арбитров достаточно часто выступают специалисты,

---

[13] См. Телешов К. Западники и славянофилы: суть спора и сравнение взглядов. URL: https://www.all-theories.com/post/западники-и-славянофилы.

[14] В частности, в перечень обстоятельств, не требующих раскрытия, попало следующее: «Арбитр принимал участие в публичных мероприятиях (конференции, семинары, презентации и т.п.), в финансовом или организационном обеспечении которых принимала участие сторона арбитража или ее представитель, при условии, что арбитр не получал от стороны арбитража или ее представителя вознаграждения». Таким образом была решена проблема участия арбитра в конференциях, возникшая после дела ЮКОСа.

[15] Пункт 2 ст. 4 Правил ТПП РФ распространяет требование о беспристрастности не только на стороны и предмет спора, но также и на представителя, эксперта, консультанта или свидетеля: «Арбитр является беспристрастным, если он прямо или косвенно не заинтересован в исходе дела и не имеет заранее сложившихся предпочтений или иных предубеждений в отношении определенной стороны арбитража, ее представителя, эксперта, консультанта или свидетеля». В связи с этим нельзя не упомянуть курьезный случай, когда Анна Грищенкова, одна из российских специалисток в области арбитража, опубликовала свои «принципы арбитра», прямо заявив, что будет относиться к назначившей ее в качестве арбитра стороне лучше, чем к другой, что в случае рассмотрения реального дела может стать нарушением принципа беспристрастности: «Помогать выбравшей тебя стороне быть услышанной. Это правило одно из самых противоречивых. Арбитры должны быть беспристрастными. Есть даже такое понятие, как арбитр-партизан, – это арбитр, который тайно (а на самом деле для других арбитров почти сразу явно) лоббирует интересы назначившей его стороны. Однако давайте будем честными: когда мы выбираем сами арбитра для своего спора, мы проводим детальнейший анализ разных критериев и в идеале хотим видеть арбитра, который будет максимально органично поддерживать нашу позицию. Опять же, пример из собственного опыта: много лет назад в одном из наших дел мы выбрали очень уважаемого арбитра, и за два дня слушаний он задал всего три вопроса – и все эти три вопроса были для нашей позиции губительны. Мы представляли истца в этом деле, и дело было очень неоднозначное. Почему так получилось? Сложно сказать. Моя теория – что данный арбитр видел себя судьей, независимым человеком, "возвышающимся над сторонами", не интересующимся никак позицией стороны, его назначившей. Поэтому для себя я придерживаюсь правила, что я всегда постараюсь донести до своих соарбитров нюансы позиции выбравшей меня стороны, подсветить какие-то важные моменты, фактические обстоятельства. Не предавая при этом свои принципиальные убеждения и не называя черное белым. Особенно это важно в международных делах, где соарбитрами являются иностранные юристы, которым реалии российского бизнеса очень часто неблизки и непонятны. Российский арбитр может объяснить эту специфику». URL: https://www.facebook.com/anna.grishchenkova/posts/10218533459390225.

ведущие профессорско-преподавательскую деятельность, Правила ТПП РФ уделяют особое внимание соответствующим обстоятельствам[16].

С другой стороны, Правила ТПП РФ более либеральны: так, они оперируют в основном понятиями «сторона» либо «основное и дочернее общество», в то время как Руководство IBA говорит не только о стороне, но и об аффилированном лице стороны[17]. В частности, Руководство IBA в оранжевом списке требует от потенциального арбитра раскрытия его связи не только со стороной спора, но и с ее аффилированными лицами[18], а Правила ТПП РФ ограничивают такую связь исключительно взаимоотношениями со стороной спора[19].

Также в Руководстве IBA есть понятие «фирма арбитра», а Правила ТПП РФ говорят об «адвокатском образовании». С учетом того, что в России перечень адвокатских образований определен Законом об адвокатуре[20], многие виды юридических фирм из этого списка выпадают.

Особого внимания заслуживают случаи неоднократного назначения арбитра стороной арбитражного разбирательства. Руководство IBA требует раскрытия обстоятельств, если арбитр два или более раз в течение последних трех лет назначался одной из сторон и/или аффилированным лицом одной из сторон[21]. Правила ТПП РФ требуют такого раскрытия только в том случае, когда «арбитр ранее избирался стороной арбитражного разбирательства (ее основным или дочерним обществом) арбитром в другом деле или иным образом избирался (назначался) арбитром по другому делу с участием стороны арбитража, при условии, что такое другое дело по характеру заявленных требований связано с рассматриваемым спором и такое другое дело не было начато одновременно с данным третейским разбирательством»[22]. Иными словами, раскрытию подлежит только назначение в связанных параллельных процессах и только аффилированным головным или дочерним обществом, иные аффилированные лица под это требование не подпадают. Кроме того, Правила ТПП РФ прямо включают в зеленый список неоднократное назначение стороной (ее основным или дочерним обществом) по несвязанным либо по связанным, но одновременным параллельным делам[23]. Это серьезное послабление по сравнению с международными стандартами, которое предоставляет арбитрам различного рода корпоративных третейских судов возмож-

---

[16] Подпункт 2 п. 2 ст. 8 Правил ТПП РФ: «Представитель стороны по делу получает или получал в прошлом образование в учебном заведении, в котором преподает или преподавал в прошлом арбитр, при условии, что арбитр не выступает и в течение трех лет, предшествовавших началу арбитражного разбирательства, не выступал научным руководителем или научным консультантом при подготовке представителем стороны диссертации на соискание ученой степени кандидата или доктора наук».

[17] Примечание 5 к Руководству IBA: «В Перечнях термин "аффилированное лицо" охватывает все компании одной группы компаний, включая материнскую компанию».

[18] Пункт 3.1.1 Руководства IBA: «Арбитр в течение последних трех лет выступал в качестве юридического представителя одной из сторон или аффилированного лица одной из сторон, или ранее консультировал, или оказывал юридическую помощь стороне или аффилированному лицу стороны, которая его назначила, в деле, несвязанном с данным спором, но арбитр и сторона или аффилированное лицо стороны более не имеют продолжающихся отношений».

[19] Подпункт 2 п. 3 ст. 6 Правил ТПП РФ «Арбитр, его супруг, родственник или свойственник в течение трех лет, предшествовавших началу арбитражного разбирательства, представляли интересы любой из сторон арбитража по другому не связанному с рассматриваемым спором делу либо действовали в другом деле с участием одной из сторон арбитража в качестве представителя, эксперта или консультанта».

[20] Глава 4 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

[21] Пункт 3.1.3 Руководства IBA.

[22] Подпункт 7 п. 3 ст. 6 Правил ТПП РФ.

[23] Подпункт 8 п. 2 ст. 8 Правил ТПП РФ.

ность не раскрывать сторонам неоднократные назначения от «спонсора» третейского суда[24].

Кроме того, Правила ТПП РФ вообще не рассматривают некоторые ситуации, например связанные с неоднократным назначением арбитра одной и той же юридической фирмой.

Данные различия представляются достаточно значимыми, поскольку, например, неоднократное назначение арбитра одной и той же юридической фирмой либо аффилированной стороной спора входит в зеленый список Правил ТПП РФ – и оранжевый Руководства IBA. А значит, если арбитр по делу в МКАС при ТПП РФ не сделает соответствующего раскрытия, руководствуясь Правилами ТПП РФ, то за пределами РФ в исполнении такого арбитражного решения может быть отказано в связи с применением иностранным судом стандарта, установленного Руководством IBA. Таким образом, чтобы избежать возможных негативных последствий в случае ведения международного арбитража на территории РФ, арбитрам следует применять оба эти документа кумулятивно, то есть руководствоваться более жестким стандартом, который предусмотрен в любом из данных правил.

Отвечая на вопрос, поставленный в заголовке этой статьи, можно сказать, что с учетом российской специфики наличие отдельного документа ТПП РФ несет больше пользы, чем вреда. Однако при этом установление стандартов независимости арбитров, отличных от международных, представляется крайне нежелательным.

Автор благодарит Ирину Варюшину, Александру Шмарко и Нано Каджаю за помощь в подготовке данной статьи.

[24] *Хотя третейская реформа декларировала своей целью избавление от так называемых корпоративных третейских судов, нужно признать, что это не удалось. Многие корпоративные третейские суды успешно мимикрировали под якобы независимые ПДАУ.*

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В НЕБОЛЬШИХ ГОСУДАРСТВАХ

Тимур Сысуев
адвокат Минской областной коллегии адвокатов, доцент юридического факультета БГУ

Независимость и беспристрастность являются базовыми требованиями к арбитрам, закрепленными как в Типовом законе ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже и международных актах «мягкого» права, так и в национальных законах и арбитражных регламентах. Их можно в полной мере назвать одной из аксиом международного коммерческого арбитража, а некоторые специалисты считают их даже jus cogens – императивными нормами. Такой же позиции в некоторых юрисдикциях придерживаются и суды.

Одним из правовых механизмов, позволяющих обеспечивать независимость и беспристрастность арбитров, является устранение конфликта интересов.

Обстоятельством, существенно повышающим возможность возникновения конфликта интересов в арбитраже по сравнению с государственным правосудием, является то, что и назначенные по многим делам арбитры, и представители сторон профессионально практикуют право во множестве других ипостасей (как адвокаты, иные частнопрактикующие или inhouse-юристы и т.д.)[1]. Это предполагает наличие между ними устойчивых профессиональных и иных взаимосвязей, которые в некоторых случаях позволяют вызвать у разумного третьего лица, осведомленного о таких фактах и обстоятельствах, обоснованные сомнения в беспристрастности или независимости (такую формулировку содержит Общий стандарт 2(b) Руководящих принципов IBA относительно конфликта интересов в международном арбитраже 2014 года, далее – Руководящие принципы).

Обстоятельств, позволяющих подозревать возникновение конфликта интересов, достаточно много. Они могут быть связаны не только с прямой материальной, служебной или иной взаимосвязью между арбитром и стороной, но и с профессиональной практикой членов состава арбитража, включая их профессиональную деятельность друг с другом и с представителями сторон, наличие юридических взаимосвязей с арбитражным учреждением, совместную научную и исследовательскую работу, преподавание в рамках одного юридического вуза и т.д. Отдельную группу таких обстоятельств, по-разному оцениваемых специалистами, судьями и арбитрами

---

[1] Асосков А. В. Влияние ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод на третейское разбирательство // Вестник ВАС РФ. 2013. № 9. С. 73; Ярков В. В. Беспристрастность в государственных и третейских судах: сравнительный анализ // Новые горизонты международного арбитража. Вып. 3. М.: ООО «Цифра закона» (www.naukaprava.ru), 2015. С. 297.
Данное явление получило английское название double-hatting и освещается в специализированных статьях. См., например: Гривнова Е. Double-hatting в спортивном арбитраже: конфликт или не конфликт, вот в чем вопрос // Arbitration.ru. 2021. № 3 (29). С. 57–59; Zukova G. “Issue Conflict”: When An Arbitrator’s Knowledge Of The Issue Becomes An Issue (And When It Does Not) // Arbitration.ru. 2020. № 8 (22). С. 25–41. – Прим. ред.

в разных юрисдикциях, составляют так называемые многократные и взаимные назначения.

Однако стандарты оценки наличия конфликта интересов в небольших государствах, в которых собственное законодательство об арбитраже принято сравнительно недавно и практика арбитражного рассмотрения споров все еще находится в стадии формирования, могут отличаться от стандартов, принятых в больших странах и общепризнанных арбитражных юрисдикциях.

Факторы, предопределяющие специфику в небольших странах, на наш взгляд, таковы.

Во-первых, в небольших государствах арбитражная практика рассмотрения международных споров концентрируется в одном, реже – в двух арбитражных учреждениях, которые рассматривают от нескольких десятков до одной-двух сотен дел в год. Иных арбитражных центров в стране либо вообще не существует, либо они фокусируются на рассмотрении внутренних споров. Практика арбитража ad hoc отсутствует либо незначительна. При администрировании арбитража иностранными арбитражными институтами подобные государства местом арбитража обычно не избираются.

Во-вторых, по большинству дел как минимум одна из сторон является национальным субъектом. Рассмотрение дел между двумя иностранными лицами в местной арбитражной практике встречается редко. Цена рассматриваемых исков сравнительно невысока. Национальные субъекты в качестве представителей в арбитраже на территории своего государства, как правило, назначают местных адвокатов и юристов. Иностранные субъекты в целях минимизации расходов часто также избирают представителей среди местных юристов, гонорары которых ниже гонораров юристов иностранных или международных фирм.

В-третьих, арбитрами по арбитражным спорам в таких государствах, как правило, также являются местные юристы. Списки арбитров (там, где они сохранились) включают в основном местных специалистов. Иностранные профессионалы местными компаниями в качестве арбитров номинируются редко в силу сложившихся стереотипов, а также нежелания нести дополнительные расходы, связанные с назначением иностранного арбитра. Иностранные компании, являющиеся стороной по делу, а также арбитражные учреждения тоже нечасто номинируют в качестве арбитров иностранных лиц. Сами иностранные арбитры к участию в процессах, администрируемых местными арбитражными центрами, особого интереса не проявляют в силу их низкой финансовой привлекательности.

В-четвертых, местное арбитражное сообщество, состоящее из практикующих арбитров, юристов, специализирующихся на международных спорах и арбитраже, inhouse-юристов, имеющих опыт представления интересов в международных арбитражах, немногочисленно. Оно в основном состоит из выпускников местных вузов. Количество практикующих арбитров невелико, новые молодые арбитры привлекаются к рассмотрению дел недостаточно интенсивно. Часть активно практикующих арбитров являются одновременно сотрудниками арбитражных учреждений. Для защиты своих интересов в сложных спорах со значительными – по местным меркам – суммами исков стороны, как правило, привлекают в качестве генерального или национального консультанта местных арбитражных юристов, которые одновременно являются местными активно практикующими арбитрами. Академическая часть юридического сообщества, представители которой также избираются арбитрами, обычно сосредоточена в одном-двух ведущих вузах на нескольких профильных кафедрах.

Как результат, в небольших странах круг профессионалов, постоянно привлекаемых к участию в качестве арбитров и представителей сторон в международных арбитражных процессах, администрируемых местными арбитражными учреждениями, сравнительно немногочислен и состоит в основном из местных юристов.

Узость арбитражного сообщества предполагает более тесную интеграцию между его членами. Количество профессиональных и иных взаимосвязей между местными юристами в небольших государствах больше,

а содержание – многообразней, чем в больших странах, арбитражное сообщество в которых обычно не только более многочисленно, но и является более интернациональным по составу.

Таким образом, в небольших странах значительно чаще складывается ситуация, когда номинированные для рассмотрения арбитражного дела арбитры, представители сторон, члены их семей связаны предыдущей работой в одних и тех же компаниях или юридических фирмах, являются сотрудниками одного и того же вуза, кафедры или арбитражного учреждения, в недалеком прошлом представляли в других арбитражных или судебных процессах интересы той же или противоположных сторон, предоставляли правовые заключения по иным арбитражным или судебным спорам, в которые были вовлечены соарбитры или представители, и т.д. Кроме того, чаще наблюдаются многократные и взаимные назначения либо наличие между арбитром и представителем иных взаимосвязей, которые могут повлечь возникновение сомнений в независимости и беспристрастности арбитров.

На наш взгляд, специфика небольших стран состоит в том, что немногочисленность и интегрированность местного профессионального сообщества, множественность и повторяемость различных профессиональных и иных связей между его членами делают ситуацию, в которой арбитр и представитель стороны по конкретному делу определенным образом связаны между собой, достаточно стандартной. Поэтому к членам таких профессиональных сообществ будут применяться гораздо более мягкие стандарты оценки наличия у них конфликта интересов.

Местные суды иногда не расценивают в качестве обстоятельств, вызывающих сомнения в беспристрастности и независимости арбитров, даже наличие служебной зависимости между ними. Так, по одному из дел белорусские суды отказали в удовлетворении ходатайства об отмене решения Международного арбитражного суда (МАС) при БелТПП, которое было вынесено тремя арбитрами, из которых двое, включая председателя, являлись сотрудниками МАС при БелТПП[2].

По делу МАС при БелТПП № 1948/58–20 ответчик заявил отвод арбитру, назначенному истцом, на том основании, что в двух арбитражных спорах между этими же сторонами, рассмотренных МАС при БелТПП ранее, истец назначал это же лицо арбитром со своей стороны, что может свидетельствовать о небеспристрастности арбитра. Однако ходатайство об отводе было отклонено[3]. Следует также учитывать, что при жесткой оценке наличия конфликта интересов формирование состава арбитража в небольших странах по какому-либо конкретному делу – например, с участием крупной местной компании, в отношении которой «законфликтовано» большинство арбитров (то есть они уже разрешали споры с ее участием или были ее юридическими представителями в процессах), – может быть существенно затруднено или невозможно в принципе. Такой результат вряд ли может рассматриваться как способствующий развитию международного арбитража в стране в целом.

Решением описанной в данной статье проблемы является расширение круга практикующих арбитров и арбитражных юристов. Это соответствует современным общемировым трендам обеспечения гендерного, возрастного и иного многообразия.

---

[2] *Постановление судебной коллегии по экономическим делам Верховного суда Республики Беларусь от 16 декабря 2020 года по делу* ***экономического суда г. Минска*** *№ 11-31Мх/2020/1113А/1206К. URL: http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/praktice/acts_vs/economics/be37aa474ab44f74.html.*

[3] *Для сравнения практику отвода арбитров по мотиву многократных назначений, например, в Арбитражном института Торговой палаты Стокгольма см.: Линдстрем Н. Отвод арбитров – решения Правления ТПС с 2008 по 2010 г. // Материалы арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма по вопросам юрисдикции, отводов и назначения чрезвычайного арбитра : сб. ст. / под ред. Н. Петрик. – М. : Инфотропик Медиа, 2012. – С. 51–56; Анищенко А.И., Дубешко В. Особенности отвода арбитров: примеры из практики Торговой палаты г. Стокгольма // Коммерческий арбитраж. № 1 (3). 2020. С. 136–137; Зыков Р., Гладышева В. Отвод арбитров в Стокгольме. – Режим доступа: https://arbitration.ru/press-centr/news/otvod-arbitrov/. – Дата доступа: 01.12.2021.*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АРБИТРАЖНЫХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВ В СФЕРЕ КИБЕРСПОРТА

Борис Карпычев
студент 4-го курса программы бакалавриата «Юриспруденция: частное право» факультета права НИУ ВШЭ

В продолжение темы спортивного арбитража, которой был посвящен предыдущий номер, редакция Arbitration.ru публикует материал о новом перспективном сегменте услуг в юридической отрасли, связанном с правовым сопровождением и арбитражем электронных состязаний.

Киберспорт (англ. eSports) – командное или индивидуальное соревнование на основе видеоигр. Он появился в начале XXI века как формат состязаний между небольшими группами энтузиастов (аудитория крупнейших игр редко превышала 1000 человек), как правило посещавшими один компьютерный клуб.

Сейчас ситуация изменилась: в мире проводятся сотни турниров более чем по 15 киберспортивным дисциплинам, трансляции смотрят сотни миллионов зрителей. С каждым годом в эту сферу приходит все больше и больше капитала. Призовые фонды соревнований исчисляются десятками миллионов долларов, а киберспортивные клубы зарабатывают сотни миллионов на рекламных контрактах с всемирно известными брендами.

Правового сопровождения требуют интересы издателей игр (отчисления за использование игр), клубов и рекламодателей (спонсорство), киберспортсменов (контрактные отношения с клубами). Актуален и правовой контроль за исполнением регламентов киберспортивных соревнований их организаторами. В 2021 году состоялся десятый Международный чемпионат по игре Dota 2[1] – The International 2021 (TI 2021), призовой фонд которого составил 40 млн долл. Примечательно, что эту сумму для компании Valve (издателя игры Dota 2 и организатора турнира TI) помогли собрать поклонники Dota 2: 25% от всех микротранзакций, сделанных в рамках специализированного магазина Battle Pass, перечислялись напрямую в призовой фонд TI 2021. Российская команда Team Spirit, занявшая на этом соревновании первое место, выиграла более 18 млн долл.[2] И это лишь один из десятков турниров.

При этом правила киберспорта какими-либо нормативно-правовыми актами глобально не урегулированы. Существуют лишь разрозненные регламенты организаторов мероприятий и несколько автономных киберспортивных объединений (IESF, ESL, CSPPA и др.). Кстати, отечественная правовая система достигла в этом направлении определенных успехов: поскольку киберспорт в России имеет статус официального вида спорта, на федеральном уровне существуют утвержденные правила[3].

В настоящей статье мы попробуем дать юридическую оценку рынку киберспорта и обрисовать перспективы и релевантность арбитража для споров в данной сфере.

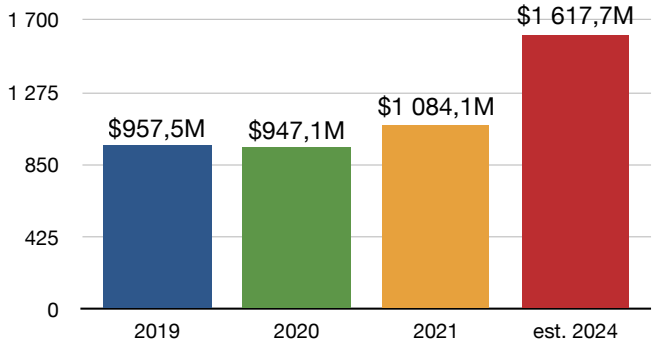
---

[1] Компьютерная многопользовательская командная стратегическая игра в реальном времени в жанре multiplayer online battle arena, разработанная корпорацией Valve. Для победы в матче команда должна уничтожить особый объект – «крепость», принадлежащую вражеской стороне, и защитить от уничтожения собственную «крепость».
[2] Эта победа вызвала общественный резонанс. См., например: В Госдуме оценили успех российской Team Spirit на чемпионате мира по Dota 2 // РИА Новости. 18 октября 2021 года. URL: https://rsport.ria.ru/20211018/dota-1754972004.html.
[3] Правила вида спорта «компьютерный спорт», утв. приказом Минспорта России от 22 января 2020 года № 22 (ред. от 30 апреля 2020 года). URL: https://minsport.gov.ru/2019/doc/PravilaKompSport_06052020.doc.

Экономика отрасли и ее перспективы

По прогнозам PWC, среднегодовой темп роста данной отрасли в 2018–2023 годах оценивается в 18,3%, а общий объем рынка к 2023 году – в 1,8 млрд долл.[4] Учитывая, что к настоящему моменту история массовой медиаиндустрии киберспорта насчитывает едва ли 10 лет, темпы роста капитализации впечатляют.

Капитализация в млн. $



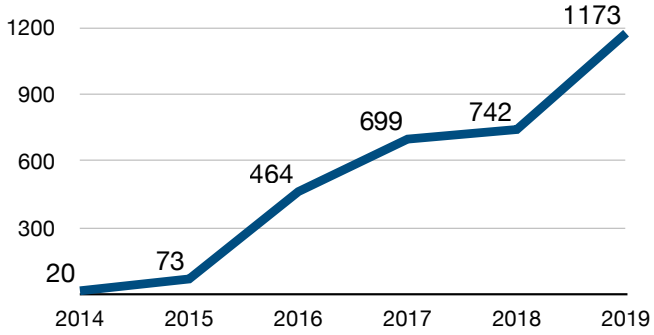
Источник: Newzoo's Global Esports & Live Streaming Market Report, 2021

В 2021 году, согласно данным аналитического агентства Newzoo, капитализация сферы киберспортивных развлечений пересекла отметку в 1 млрд долл., невзирая на вызванные эпидемией COVID-19 потери для сферы спортивных развлечений[5].

Субъектный состав отрасли разнообразен – от издателей игр, получающих вознаграждение за использование их видеоигр на соревнованиях, и площадок проведения турниров, продающих права на трансляции, до самих киберспортсменов.

Главными стейкхолдерами рассматриваемого рынка являются киберспортивные клубы – именно эти организации тренируют команды, выставляя их на турниры в различных дисциплинах. Основными источниками дохода

Количество контрактов (шт.)

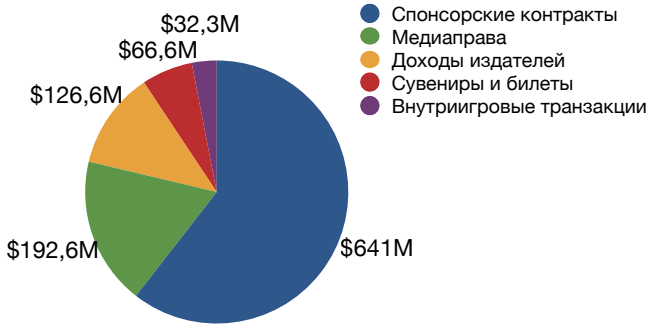


Источник: Nielsen eSports Playbook for brands, 2019

для них являются рекламные контракты со спонсорами: по данным агентства Nielsen, количество спонсорских проектов в индустрии с 2014 по 2019 год выросло в 60 раз – с 20 до 1173[6].

Доходы от спонсорства для клубов могут исчисляться миллионами долларов, в 2021 году они составили более 60% капитализации отрасли. При этом спонсорами являются не только компании, непосредственно связанные с индустрией игр (AMD, Razer, A4Tech и др.), но и ряд других (в частности, PayPal, MasterCard, Visa, Aviasales и др.). На приведенной ниже диаграмме показаны составляющие капитализации индустрии киберспорта.

Составляющие капитализации



Источник: Newzoo's Global Esports & Live Streaming Market Report, 2021

[4] *Шалимова А. Киберспорт: время инвестиций пришло? // PwC. 4 февраля 2019 года. URL: https://www.pwc.ru/ru/publications/mediaindustriya-v-2019/kibersport.html.*

[5] *Newzoo's Global Esports & Live Streaming Market Report 2021 | Free Version // Newzoo. 9 May 2021. URL: https://newzoo.com/products/reports/global-esports-live-streaming-market-report.*

[6] *eSports Playbook for brands 2019 // Nielsen sports. 30 Arpil 2019. URL: https://nielsensports.com/esports-playbook-for-brands-2019/.*

О чем и где спорить?

Споры в сфере киберспорта по аналогии со спорами в области традиционных видов спорта можно разделить на две категории: коммерческие и сугубо спортивные.

К первой (коммерческой) категории относятся споры между рекламодателями и клубами, вытекающие из спонсорских контрактов; требования издателей к организаторам по поводу несогласованного использования их игры для мероприятия; споры между организаторами и стримерами или стриминговыми платформами о медиаправах на трансляции; споры из контрактов между киберспортсменами и клубами.

Ко второй (сугубо спортивной) категории относятся все споры, вытекающие из несоблюдения организаторами или самими спортсменами правил проведения соревнований. Однако в контексте отсутствия проработанных правил киберспортивных дисциплин вопрос о предмете спора требует поправки на интеллектуальную и техническую специфику.

Может показаться, что в спортивных диспутах гораздо меньше денежной заинтересованности участников рынка, ведь, по сути, в таких спорах речь идет в основном о вопросах защиты репутации. Однако соблюдение киберспортсменами принципа fair play напрямую влияет на привлекательность клубов для рекламодателей, именно поэтому защита интересов киберспортсменов и их побед имеет приоритетное значение для клубов.

Релевантно выделить следующие категории сугубо спортивных споров:

• споры, связанные с использованием допинга. Данная проблема актуальна для сферы киберспорта ничуть не меньше, чем для традиционного, однако здесь этот вопрос абсолютно не урегулирован. Между тем некоторые спортсмены злоупотребляют психостимулирующими препаратами (в первую очередь аддераллом) для увеличения степени концентрации и скорости реакции[7]. Полученное таким образом преимущество может сыграть ключевую роль в победе, особенно в индивидуальных соревнованиях, где наиболее важным показателем эффективности спортсмена является APM (этот термин используется в видеоиграх, в частности в жанре стратегий в реальном времени и файтингах, для отражения количества действий, которые игрок может совершать за одну минуту). Тем не менее дисквалификация игроков, открыто использующих допинг, и практика взятия допинг-проб в киберспорте до сих пор не получили широкого распространения;

• споры, вызванные злоупотреблением техническими несовершенствами программного кода игр (abuse of bugs). Недавнее расследование, проведенное бывшим администратором ESL (Electronic Sports League), выявило многочисленные случаи таких злоупотреблений тренерами профессиональных команд в игре Counter Strike. Ошибка в коде игры приводила к тому, что тренеры могли информировать команду о движениях соперника из-за фиксации угла камеры тренера в заданном положении. В результате три тренера получили дисквалификацию со стороны ESIC (Esports Integrity Commission) на срок от 3 до 24 месяцев. Аналогичное наказание распространялось и на их команды[8];

• договорные матчи. Одним из первых известных случаев такого нарушения стала история игрока в Dota 2 Алексея Березина (Solo), который в 2013 году поставил 100 долл. с коэффициентом 3,22 на поражение своей команды. Когда команда действительно проиграла, организатор мероприятия, площадка StarLadder, проведя собственное расследование, установила факт договора, в итоге игрок был дисквалифицирован пожизненно. Впоследствии наказание было смягчено до года дисквалификации.

---

[7] *Hamstead C. Nobody talks about it because everyone is on it': Adderall presents esports with an enigma // Washington Post. 13 February 2020. URL: https://www.washingtonpost.com/video-games/esports/2020/02/13/esports-adderall-drugs/.*

[8] *Stokłosa S. eSports is in a dire need of arbitration court – here's why // Lukomski Niklewicz. 17 September 2020. URL: https://lukomski-niklewicz.pl/esports-is-in-a-dire-need-of-arbitration-court-heres-why/.*

И это лишь одна из множества историй[9]. Споры об участии спортсменов в схемах договорных матчей могут стать эффективным источником давления и на самих спортсменов, поэтому важно иметь механизмы защиты от таких посягательств, в том числе в виде беспристрастной арбитражной институции.

При описанной вариативности возможных споров в отрасли до сих пор нет независимого арбитража, которому доверяют все участники рынка[10]. Известные арбитражные институции, такие как LCIA или ICC, обладают доверием бизнеса в целом и могут предложить компетентный арбитраж как минимум в сфере споров, связанных с медиаправами и спонсорскими контрактами. Однако высокая стоимость процедуры и медленное рассмотрение дела делают такой выбор неприемлемым для большинства участников киберспортивного рынка.

Хорошим форумом для разбора киберспортивных споров мог бы стать CAS – согласно ст. R27 Кодекса CAS все вышеперечисленные предметы спора гипотетически арбитрабельны. В пользу этого варианта говорит и спортивная специализация институции, и большой опыт оперативных ad hoc разбирательств на соревнованиях. Однако в CAS нет арбитров, профессионально владеющих темой, и данный арбитраж к настоящему моменту не администрировал ни одного кейса, связанного с киберспортом. Поэтому обращение к услугам CAS со стороны участников отрасли также маловероятно.

Последним вариантом являются специализированные институции киберспортивных ассоциаций. С ноября 2016 года существует Арбитражный суд Всемирной киберспортивной ассоциации (WESA), поддерживаемый ESL (ведущим организатором турниров) и несколькими крупными игровыми издателями. Суть этого проекта, по-видимому, заключается в попытке создать киберспортивный аналог CAS. Однако к настоящему моменту отраслевым арбитражем WESA не администрировалось по-настоящему серьезных споров, которые могли бы создать институции экспертную репутацию.

Альтернативой может служить созданная в 2015 году Коалиция по добросовестности в киберспорте (ESIC), являющаяся партнером Комиссии по азартным играм Великобритании и работающая в качестве следственного и дисциплинарного органа для крупнейших организаторов турниров, включая ESL и World Cyber Arena (WCA). Основной специализацией организации являются случаи разного рода жульничества на соревнованиях, на данный момент это лидирующая институция для разрешения сугубо спортивных споров в сфере киберспорта. Вместе с тем ESIC пока не стремится расширять сферу своей деятельности и заниматься рассмотрением коммерческих споров, связанных с киберспортом, а ее решения подлежат исполнению только среди непосредственных участников.

Заключение

Обобщая результаты проведенного исследования, отметим, что рынок киберспорта находится в стадии активного формирования и имеет огромный потенциал роста. Однако система регулирования данного рынка и его правовое обеспечение практически отсутствуют. Мировому юридическому сообществу необходимо внимательно следить за развитием индустрии, ведь правовая защита интересов участников данной отрасли – это не только вызов, но и высокодоходный сегмент юридических услуг недалекого будущего, первые предпосылки для возникновения которого появляются уже сейчас.

---

[9] *Продажный киберспорт: как в виртуальных соревнованиях торгуют победой // Life. 31 декабря 2016 года. URL: https://life.ru/p/954509.*

[10] *Ptaszynski J. ESports Disputes: Choosing your battleground // Bird & Bird. 1 January 2018. URL: https://www.twobirds.com/en/news/articles/2018/global/esports-disputes-choosing-your-battleground.*

ОБЗОР XIII КОНФЕРЕНЦИИ АВА: РАЗРЕШЕНИЕ КОММЕРЧЕСКИХ СПОРОВ С УЧАСТИЕМ СТОРОН ИЗ СТРАН СНГ

22 сентября в Москве состоялась XIII Конференция АВА «Разрешение коммерческих споров с участием сторон из стран СНГ», организатором которой выступила Арбитражная Ассоциация. Мероприятие прошло в гибридном формате: часть участников собралась в конференц-залах гостиницы Radisson на Кутузовском проспекте (бывшая гостиница «Украина»), остальные присоединились онлайн из разных стран мира.

Первая секция конференции прошла в динамичном формате «печа-куча»: у каждого из спикеров было по 20 слайдов, которые сменяли друг друга каждые 20 секунд. Выступления Артема Дудко, Вильяма Филлипса, Дмитрия Маренкова, Натали Тодд, Николаса Айленда, Олеси Петроль, Ольги Хамамы и Жанны Томашевской были посвящены нюансам разрешения арбитражных споров в СНГ.

Модератором сессии стал **Артем Дудко**, *глава практики по разрешению споров с участием сторон из России и стран СНГ, Osborne Clarke LLP.*

Жанна Томашевская, *управляющий партнер, Tomashevskaya & Partners,* рассказала о координации юридических команд в разных юрисдикциях. Она отметила важную роль проектного офиса (project office) в решении задачи клиента, а также влияние наличия проджект-менеджера на стоимость проекта для заказчика.

Николас Айленд, *юрист Macfarlanes,* посвятил свое выступление стратегиям борьбы с незаконно полученными доказательствами в странах СНГ. Он выделил три способа, какими можно нанести удар по позиции процессуального противника, построенной на таких доказательствах. Во-первых, нужно поставить под сомнение их допустимость и достоверность, доказав недобросовестность получившей их стороны. Во-вторых, если нарушения очевидны, следует инициировать параллельное разбирательство там, где такие доказательства были получены. В-третьих, конфиденциальность документов и доказательств, полученных в преступных целях, в английском праве не имеет судебной защиты, и ссылка на это может заставить оппонента раскрыть невыгодные для него факты.

Натали Тодд, *партнер, PCB Byrne,* остановилась на регулировании наложения обеспечительных мер разделом 44 Закона об арбитраже Великобритании (Arbitration Act 1996) и соответствующих прецедентах, а также ограничениях в наложении обеспечительных мер.

Олеся Петроль, *партнер, Petrol Chilikov,* посвятила свое выступление арбитражным разбирательствам с участием трастов и особенностям трастов в странах СНГ. Российское право не признает трасты, так как право собственника на распоряжение своим имуществом не может быть ограничено. Однако у кредиторов, стремящихся вернуть активы из зарубежных трастов российских бенефициаров, есть ряд интересных инструментов.

Вильям Филлипс, *партнер, Covington & Burling LLP,* рассказал об особенностях и тактике deposition – досудебного опроса свидетелей в англо-американской практике. Спикер остановился на необходимой для этого технике, источниках для подготовки к такому допросу, а также особенностях опроса разных типов свидетелей.

Ольга Хамама, *партнер, V29 Legal,* рассказала о реалиях разрешения споров в СНГ: бюрократизме государственных органов, возможности враждебных рейдов с целью захвата документов, а также случаях их подделки. Среди менее значимых, но все же важных нюансов спикер отметила необходимость делать поправку на новогодние и майские праздники при планировании арбитражных процессов.

Дмитрий Маренков, *юрисконсульт, арбитр,* заявил, что количество споров с участием сторон из стран СНГ намного опережает число арбитров из региона. Аналогичная ситуация сложилась и с Китаем. Является это следствием недоверия арбитражных институтов к таким арбитрам или же следствием незнания права стран СНГ? Для ответа на этот вопрос выступавший обратился к исследованиям Queen Mary University в области diversity – расового, национального и гендерного разнообразия в арбитраже.

Спикеры секции ***«Anti-suit injunctions: A comparative law perspective, including Russia, with practical tips»*** («Судебные запреты: сравнительный анализ права, включая Россию, с практическими советами») обсудили суть судебных запретов и изменения в современном использовании данного инструмента судами континентальной правовой системы.

Сергей Петрачков, *партнер юридической фирмы «Алруд»,* как модератор круглого стола подчеркнул, что сейчас наступила «новая эра» таких судебных запретов: ими теперь пользуются не только суды Англии и Франции, но и российская судебная система. Особенно интересным представляется применение судебного запрета в контексте дела «Уралвагонзавода», где председатель Верховного суда РФ передал вопрос о наложении судебного запрета на рассмотрение коллегии.

Кендалл Коффи, *партнер, Coffey Burlington,* отметил, что в США нет сформулированного подхода Верховного суда; суды округов (district courts) применяют либо консервативный, либо либеральный подход. Консервативный подход рассчитан на максимальную самостоятель-

ность и должный порядок судебного процесса в других странах (до тех пор, пока требование о судебном запрете не входит в прямое противоречие с публичным порядком США). Это означает, что суды США признают зарубежный процесс надлежащим и не будут выносить ограничивающие его приказы. Согласно либеральному подходу ходатайство о наложении судебного запрета на зарубежный процесс, скорее всего, будет удовлетворено, особенно если истребующая такой запрет сторона ссылается на пророгационную оговорку – например, когда обе стороны контракта договорились независимо от фактического местонахождения рассматривать свой спор в одном из американских штатов и по законам этого штата. Вероятно, однажды Верховный суд США выскажет свою позицию относительно того, какой из подходов должен превалировать, заключил спикер.

Джеймс Харгроув, *партнер, Orrick,* рассказал о применении судебных запретов к третьим сторонам в судебном и арбитражном разбирательстве. Он отметил, что английские суды прилагают максимум усилий, чтобы следовать прописанной в договоре арбитражной оговорке, и приоритет связи стороны с третьими лицами над буквальным содержанием арбитражной оговорки еще не до конца определен. Докладчик привел обширный список споров с участием российских сторон, которые послужили для развития инструмента anti-suit injunctions в английской арбитражной и судебной практике.

Рамунас Аудзевичиус, *партнер, Motieka & Audzevičius,* обратился к позиции Палаты лордов Великобритании по судебным запретам, которые оценили данный инструмент положительно – как вносящий определенность в арбитражное разбирательство. Суд ЕС придерживается другой точки зрения. Основываясь на Регламенте «Брюссель I» о подсудности и признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам, суд ЕС ставит во главу угла вопрос о том, является ли судебный запрет окончательным решением по делу. В качестве окончательного решения по делу судебный запрет с точки зрения права ЕС недопустим.

Первый круглый стол ***«Roundtable 1. Between a rock and a hard place: Practical tips on dealing with sanctions: market trends, structuring the arbitration clause, compensating counsel, experts and arbitrators, choice of law, picking a venue, and more»*** был посвящен практическим советам по работе в условиях санкций: тенденциям рынка, структурированию арбитражной оговорки, выбору места проведения и т.д.

Джон Хинс, *партнер, Morgan, Lewis & Bockius LLP,* обратил внимание на проблему каскадных арбитражных оговорок. Они создают повышенную сложность для процессов и уязвимы при обжаловании арбитражного решения стороной, однако их былая популярность вполне объяснима: в контракты с участием сторон из России и стран СНГ их вносили из-за

неопределенности, так как разные зарубежные арбитражные институты получали разрешение на деятельность в разное время. Сейчас каскадные оговорки могут снова вернуться из-за санкций. В таких оговорках часто используется каскадный механизм выбора применимого права. Кроме проблемы оговорок спикер рассмотрел вопрос обратной силы «закона Лугового».

Роман Зыков, *генеральный секретарь РАА, партнер, «Мансорс»,* уделил внимание необычной логике каскадных арбитражных оговорок. Он отметил, что на практике арбитражный институт, указанный в каскадной арбитражной оговорке последним по списку, при обращении сторон в арбитраж, скорее всего, станет вариантом номер один.

Томас Салливан, *адвокат Marks & Sokolov,* сосредоточил свое выступление на проблеме санкций OFAC. Он отметил их территориальный эффект: санкции OFAC обращены против компаний и в целом лиц, находящихся на территории США. Поэтому, когда стороны понимают, что интересы одной из сторон связаны с США, нужно быть особенно внимательным, заранее продумывая детали договора и формулируя подходящую арбитражную оговорку.

Константин Кроль, *партнер, Dentons,* обратился к проблеме распространения санкций не только на лица из санкционного списка (SDN), но и контролируемые ими компании. Спикер согласился с тем, что чем сложнее оговорка, тем легче оспорить ее в суде. С его личной точки зрения, сторонам из России сейчас удобно обращаться за разрешением спора в российские арбитражные центры либо в Гонконгский (HKIAC) или Сингапурский (SIAC) арбитражные центры, которые не вводили санкций против российских лиц. Докладчик также остановился на нюансах «закона Лугового» и случае, когда он должен применяться, – тогда, когда российскому лицу было отказано в доступе к правосудию за пределами России. Действие «закона Лугового» сходно с институтом anti-suit injunction в английском праве, при этом инструмент anti-suit injunction ранее был совершенно непривычным для российской доктрины и расходится с ее обычными установками.

Сергей Авакян, *юрист практики разрешения споров, Norton Rose Fulbright,* остановился на практике российских судов в контексте «закона Лугового», в первую очередь на делах «ООО “Инстар Лоджистикс” против филиала компании Nabors Drilling International Ltd», «Телеканал “Царьград” против Google», а также деле «“Уралвагонзавод” против PESA» – в последнем случае обоснование применения «закона Лугового» было описано судами наиболее подробно. В сентябре 2021 года после передачи в кассацию дело «Уралвагонзавода» вышло на новый виток развития.

Паулиус Дока, *юрист, PRIMUS,* в своем выступлении также коснулся вопроса санкций в международном арбитраже и отметил решение Верховного суда Швейцарии, указавшего, что санкции США не входят в публичный порядок ЕС. Также, по мнению спикера, в ближайшее время нужно ожидать увеличения количества арбитражей ad hoc.

Участники круглого стола ***«Roundtable 2. Investment treaties and disputes: What's the forecast for CIS-related disputes?»*** обратились к нюансам реформирования ICSID (МЦУИС) и международной системы инвестиционного арбитража в целом.

Анна Джубин-Брет, *секретарь ЮНСИТРАЛ и директор по вопросам международной торговли в юридическом департаменте ООН,* остановилась на задачах, которые стоят перед рабочими группами ЮНСИТРАЛ по инвестиционному арбитражу. По словам спикера, к ним относятся создание консультативного центра для развивающихся стран, формирование кодекса этики инвестиционного арбитража, а также взаимодействие с ICSID (МЦУИС) по вопросам развития апелляционного механизма инвестиционных споров.

Александр Полторакевич, *начальник отдела обеспечения представительства Российской Федерации в организациях международного торгового права правового департамента Министерства экономического развития Российской Федерации,* описал подходы к реформированию системы инвестиционного арбитража и разработке кодекса этики инвестиционного арбитража. Спикер напомнил, что решения в инвестиционном арбитраже не должны быть политически мотивированы, а сама реформа должна основываться на консенсусе.

Ольга Цветкова, *советник, АБ «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры»,* отметила, что, вопреки распространенному мнению, в ICSID (МЦУИС) разрешается большое количество споров с участием российских сторон.

Гонзало Флорес, *заместитель генерального секретаря, ICSID (МЦУИС),* рассказал о сути реформы МЦУИС и ее целях, а также о том, как изменения в механизме МЦУИС повлияют на разрешение споров с участием сторон из государств СНГ. Спикер уделил внимание структуре и истории МЦУИС, входящего в Группу Всемирного банка (World Bank Group). Отдельно спикер остановился на причинах взрывного роста обращений в МЦУИС после 1996–1997 годов.

Сергей Морозов, *советник, Международный центр правовой защиты,* сравнил работу этого российского центра с группой быстрого реагирования. Спикер осветил задачи, с которыми сталкивается его организация, а также рассмотрел современные проблемы инвестиционного арбитража против государств. Среди прочего докладчик отметил, что участие государства в инвестиционных арбитражах дорого обходится налогоплательщикам.

Анна Козьменко, *партнер, Schellenberg Wittmer Ltd,* отметила, что реформирование системы инвестиционного арбитража включает в себя два направления: изменение аспектов материального права (особенности инвестиционных договоров) и процессуальные вопросы, в которые входит и вопрос предсказуемости арбитражных решений. Также спикер акцентировала внимание на необходимости привлекать новых арбитров из России и стран СНГ к разрешению инвестиционных споров.

Третий круглый стол ***«Roundtable 3. A call for civility: The new ICCA guidelines addressing behavior in international arbitration falling "below minimum civility standards"»*** был посвящен новым руководящим принципам ICCA, касающимся поведения в международном арбитраже.

Питер Волрич, *партнер, Curtis, Mallet-Prevost, Colt & Mosle LLP,* представил аудитории участников круглого стола.

Дрю Холинер, *Monckton Chambers,* посвятил свое выступление разнице этических предписаний, адресованных арбитрам и государственным судьям.

Ульяна Кук, *партнер, PCB Byrne LLP,* рассмотрела детали новых руководящих принципов ICCA, включая обязательства сохранять конфиденциальность и неприкосновенность персональных данных участников – например, в контексте проведения слушаний и изучения письменных доказательств.

Ольга Болтенко, *партнер, Fangda Partners,* рассказала о новых принципах ICCA и о том, что они предписывают представителям сторон в арбитражном разбирательстве, особенно в вопросах содействия процессу и уважения к другим его участникам. Спикер остановилась на вопросах определения «цивилизованного» и «нецивилизованного» поведения в контексте новых принципов ICCA.

Лаура Хардин, *генеральный директор, Alvarez & Marsal,* отметила, что существуют параллельные кодексы поведения, например кодекс поведения Международного института арбитров (CIArb) и поделилась личным опытом столкновения с вопросами этики в ходе арбитражных разбирательств.

На круглом столе ***«Roundtable 4. International arbitration and cross-border insolvency – common scenarios encountered by practitioners»*** спикеры обсудили сценарии, в которых международный арбитраж сталкивается с банкротным процессом.

Павел Булатов, *советник, White & Case,* подробно описал контрасты и взаимосвязи арбитража и процедуры банкротства.

Александр Попелюк, *партнер, Lidings,* рассказал о действиях арбитражных управляющих в процессах трансграничного банкротства на примере дела «Riverrock Securities Limited против Международного банка Санкт-Петербурга». Докладчик отметил, что решение по этому делу имело очень большой резонанс в профессиональной среде.

Оксана Райт, *партнер, Fox Rothschild LLP,* посвятила свое выступление проблеме арбитража и трансграничного банкротства в США. Она рассказала о признании обеспечительных мер арбитражем и судами в соответствии с главой 15 Кодекса о банкротстве США и описала различия между основными (core) и дополнительными (non-core) процедурами банкротства. Также спикер остановилась на вопросах применения принципа Гиббса, определяющего иммунитет другой юрисдикции от процессуальных последствий банкротства в других странах.

Евгения Федотова, *юрист, Conyers Dill & Pearman,* рассказала о том, как юридические и физические лица могут получить меры процессуального принуждения на Британских Виргинских Островах в обеспечение зарубежного процесса банкротства.

Татьяна Минаева, *партнер, RPC,* остановилась на соотношении процедуры банкротства и арбитража в Великобритании. Спикер перечислила критерии, при наличии которых зарубежный процесс банкротства может быть принят как надлежащий судами Великобритании, а также рассказала о сходстве и различиях закона о банкротстве в Великобритании и соответствующего модельного закона ЮНСИТРАЛ. В качестве иллюстрации спикер привела дело арбитражного управляющего Киреевой против Георгия Беджамова, в котором английский суд применил нормы общего права для признания процесса банкротства и установил, что недвижимость не может войти в конкурсную массу – в отличие от движимого имущества. Спикер также проанализировала дело, в котором процесс банкротства осложнялся наличием гарантии третьей стороны.

Круглый стол ***«Roundtable 5. Sun, sand, and … споры: Practical tips for litigating offshore disputes»*** был посвящен спорам в офшорных юрисдикциях и с участием сторон из них.

Алекс Холл Тейлор QC, *партнер, Carey Olsen,* представил спикеров. В своем собственном выступлении Алекс Тейлор перечислил особенности законодательства Британских Виргинских Островов в сфере арбитража, а также отметил положительную роль нового

арбитражного центра на БВО, скорость и конфиденциальность, с которой суды на БВО способствуют арбитражному разбирательству.

Питер Феррер, *партнер, Harneys,* провел интересные параллели между каждой из офшорных юрисдикций, которые участники обсудили на круглом столе.

Ян Голазевски, *партнер, Carey Olsen,* осветил особенности арбитражного законодательства и третейского разбирательства на Каймановых Островах, приведя в качестве примера несколько громких арбитражных процессов, состоявшихся там в последнее время.

Георг З. Георгиу, *управляющий партнер, George Z. Georgiou & Associates LLC,* рассказал о юрисдикции Кипра, отметив проарбитражный подход кипрских судов, а также о возможностях получения судебных запретов на иностранные арбитражные и судебные разбирательства.

Даррен Ридс, *партнер, Begbies Traynor Group,* раскрыл роль распорядителей-ресиверов в трансграничных спорах, связанных с банкротными процессами на Британских Виргинских Островах.

Круглый стол «***Roundtable 6. To tell the truth, the whole truth, and nothing but the truth: Fresh thinking on fact witness testimony and written statements in court and arbitration proceedings***» был посвящен проблеме надежности свидетельских показаний в суде и арбитраже.

Николаус Питковиц, *партнер, Pitkowitz & Partners,* обратил внимание на техники, с помощью которых специалисты распознают ложь по поведению человека.

Владимир Хвалей, *председатель правления РАА, партнер, Baker McKenzie,* рассказал о роли доклада ICC по вопросам памяти свидетелей и провел мини-эксперимент с аудиторией, показывающий, что памятью людей можно манипулировать.

Эд Кроссэ, *партнер, Simmons & Simmons,* рассказал о старых и новых подходах английских судов к свидетельским показаниям и их функции. Спикер обратил внимание на то, что сегодня английские суды придают особенный вес устным показаниям свидетелей, а не выверенным письменным изложениям ситуации. Он также осветил все за и против подхода, согласно которому наводящие вопросы при допросе свидетелей недопустимы.

Чианн Бао, *вице-президент, ICC,* посвятила свое выступление проблеме свидетелей, не говорящих на языке процесса. Если свидетель говорит или мыслит на другом языке, это создает несколько иную картину событий и расставляет иные акценты, из-за чего определить правдивость показаний такого лица становится еще сложнее. А ненадежность свидетелей может повлечь за собой отмену многомиллиардных сделок.

Круглый стол ***«Roundtable 7. “Arbitrator” or “dispute resolver”? What role, if any, can and should the arbitrator play in getting disputes resolved early?»*** был посвящен роли арбитров и основным подходам к разрешению споров в интересах сторон.

Кейтлин Пэйсли, *партнер, Ambos Lawyers,* определила спектр проблем, которые нужно

было обсудить участникам круглого стола. Центральным стал вопрос о том, достаточно ли арбитру разрешить спор или же он должен помочь сторонам прийти к мировому соглашению. Спикер также отметила, что сейчас основные исследования в данной области ведут Международный институт медиации в США и Международная торговая палата в Париже.

Патрисия Шонесси, *профессор, Стокгольмский университет,* отметила, что арбитры порой не обращаются к процедуре медиации просто потому, что недостаточно с ней знакомы. Докладчик обратилась к теме арбитражных решений на согласованных условиях, которые не всегда возможно привести в исполнение на основании Нью-Йоркской конвенции. В таких случаях многое зависит от времени, в которое стороны заключили такое соглашение.

Анна Тумповски, *адвокат, штат Флорида,* рассказала о своем опыте заключения мирового соглашения, завершившего спор супругов из России об их имуществе в США, параллельно которому между парой шел бракоразводный процесс в российской юрисдикции.

Феликс Прозоров-Бастианс, *партнер, GvW Graf von Westphalen,* рассказал о подходах, которые разработали судьи в Германии и Австрии, чтобы помочь сторонам прийти к примирению. Некоторые из таких подходов применимы и в международном арбитраже. Спикер обсудил с другими участниками некоторые нюансы недавно принятой Сингапурской конвенции о медиации.

Питер Петтибон, *арбитр, Pettibone International ADR LLC,* отметил, что в юрисдикциях общего права роль арбитра гораздо больше похожа на роль судьи, чем в континентальной правовой системе, и задача облегчить примирение сторон, как правило, не ставится. Докладчик также рассказал о технике, при которой мировое соглашение, полученное на промежуточной стадии третейского разбирательства, можно превратить в финальное арбитражное решение.

Участники круглого стола ***«Roundtable 8. Res judicata and issue estoppel in CIS disputes: Case studies and strategies»*** обратились к кейсам, в которых стороны прибегали к запрету разрешения спора по существу, и обсудили отличия рассмотрения таких споров в разных арбитражных институтах. Присутствующие обозначили разницу между res judicata и эстоппелем и рассмотрели модельный кейс с участием сторон из России и Казахстана, в отношении которого предполагалась компетенция английского суда. Участники модельного кейса обсудили статус эстоппеля в случае, если на решение была подана апелляция, а также возможности и сроки апелляции и кассации в юрисдикциях Казахстана и России.

Кирилл Труханов, *управляющий партнер, Trubor,* рассмотрел перспективы такого судебного разбирательства в России.

Лоуренс Понти, *советник, Archipel,* обратила внимание на ограничения применения res judicata в швейцарской правовой системе.

Она рассказала о приведении в исполнение решений на основании Луганской конвенции и о зависимости признания решения от того, было ли обеспечено право стороны на справедливое судебное разбирательство. В швейцарском праве есть также положения о надлежащем уведомлении сторон.

Бахыт Тукулов, *партнер, Tukulov & Kassilgov Litigation,* остановился на вопросах применения и толкования принципов res judicata в Казахстане. Он отметил, что доктрина issue estoppel в Казахстане уже, чем в России.

Лайонел Николс, *партнер, CANDEY,* обратил внимание на то, как устанавливается процессуальное право лиц быть сторонами конкретного спора и как это влияет res judicata. Спикер также рассмотрел процедуру привлечения в исполнение неосвоенных решений и указал, что в английском праве нет большого различия между исполнением иностранных судебных и арбитражных решений.

Руперт Д'Круз QC, *барристер, Littleton Chambers,* отметил, что в Соединенном Королевстве привести иностранное судебное решение в исполнение возможно независимо от наличия международного договора со страной вынесения решения.

Гленн Хендрикс, *председатель, Arnall Golden Gregory LLP,* заявил, что в США, в отличие от Великобритании, критично оценить взаимность применения issue estoppel в юрисдикции вынесения решения. Спикер также остановился на упоминании res judicata в мотивировочной части решения и проблеме свидетельских показаний. Отказ в заслушивании эксперта означал бы отказ от права на справедливый суд по критериям американского суда, отметил докладчик.

В заключительной части конференции участники **Максим Кульков**, *партнер, «Кульков, Колотилов и партнеры»,* **Элис Фремут-Вольф**, *генеральный секретарь, VIAC,* **Гевин Чесни**, *адвокат-солиситор, Debevoise & Plimpton,* **Грант Ханессиан**, *независимый арбитр*, и **Норадель Раджай**, *партнер, Lalive*, провели имитационное арбитражное слушание, в ходе которого представители сторон затронули проблему проведения слушаний посредством видео-конференц-связи или в гибридном формате. Разбирая кейс, присутствующие проанализировали нюансы современного понимания гибридного формата арбитражными институтами и сторонами и влияние такого формата слушаний на сроки третейского разбирательства, рассмотрели возможность запроса документов, в том числе истребование документов у третьей стороны. В этом контексте участники обратились к ст. 1782 Торгового кодекса США и соотнесли его требования с положениями российского Закона о международном коммерческом арбитраже в отношении истребования документов.

Обзор подготовил Дмитрий Артюхов,
главный редактор Arbitration.ru

СТУДЕНЧЕСКИЙ КОНКУРС «МОДЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА» – 2022

«Модель международного коммерческого арбитража» - ежегодный международный студенческий конкурс по международному частному праву и международному коммерческому арбитражу (далее - Конкурс), к участию в котором приглашаются команды, представляющие как российские, так и зарубежные высшие учебные заведения.

Особенность Конкурса заключается в том, что ежегодно темы игрового дела меняются, затрагивая наиболее актуальные, специализированные вопросы, возникающие как в предпринимательской сфере, так и в области арбитражного (третейского) разбирательства.

В 2022 году центральной темой VII Конкурса станет «Трансграничный договор мены и последствия несоблюдения компаниями принятых на себя обязательств следовать принципам ESG». Также, в игровом деле затрагиваются вопросы действительности и исполнимости арбитражной оговорки, заключенной посредством обмена сообщениями по электронной почте, последствия нарушения императивных и диспозитивных норм Регламента.

Организатором Конкурса является кафедра правового моделирования Университета им О.Е Кутафина (МГЮА) при поддержке Арбитражного Центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей (РСПП).

Конкурс призван способствовать стимулированию интереса к международному частному праву, популяризации международного коммерческого арбитража как альтернативного способа разрешения коммерческих споров, а также деятельности Арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей (РСПП) как одного из ведущих центров по разрешению трансграничных предпринимательских споров. Конкурс также направлен на развитие дружественных отношений между представителями различных юридических вузов и обмен профессиональным опытом между ведущими юристами-практиками и теоретиками права. Цель Конкурса – усовершенствование у студентов навыков по представлению интересов сторон в третейском разбирательстве, толкованию и применению норм права, формированию и представлению своей юридической позиции, приобретение новых знаний по наиболее актуальным вопросам, возникающим в ходе арбитражного (третейского) разбирательства, а также получение опыта в составлении и оформлении состязательных документов.

Конкурс проводится в форме подготовки письменных состязательных документов и проведения устных слушаний в рамках третейского разбирательства.

Порядок третейского разбирательства

для игрового дела будет регулироваться Регламентом Арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей (РСПП).

Язык Конкурса

Русский.

Конкурс состоит из двух туров:

первый тур – подготовка и направление меморандумов истца и ответчика;
второй тур – устные слушания.

Сроки направления меморандумов:

• меморандум истца должен быть отправлен Организационному комитету не позднее **«23» час. «59» мин. (**по московскому времени) **19 февраля 2022 г.**

• меморандум ответчика должен быть отправлен Организационному комитету не позднее **«23» час. «59» мин.** (по московскому времени) **19 марта 2022 г.**

В случае сохранения неблагоприятной эпидемиологической обстановки в стране и мире, все слушания будут проведены в онлайн-формате**. Если же ситуация изменится, то все раунды пройдут в очном формате.**

Местом устных слушаний **4–5 апреля 2022 г.** будет являться основное здание Университета имени О.Е. Кутафина, расположенное по адресу: г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Местом проведения финального раунда **6 апреля 2022 г.** будет являться Арбитражный центр при Российском союзе промышленников и предпринимателей (РСПП), расположенный по адресу: г.Москва, Котельническая набережная, д. 17.

Даты устных слушаний:

• предварительные раунды состоятся 4 апреля 2022 г.;

• четвертьфинальные и полуфинальные раунды состоятся 5 апреля 2022 г.;

• финальный раунд состоится 6 апреля 2022 г.

Порядок подачи заявки для участия:

Регистрация команд, желающих принять участие в Конкурсе, производится путем заполнения регистрационной формы (заявки), размещенной на официальном сайте Конкурса. Регистрация команд производится до «23» час. «59» мин. (по московскому времени) 19 февраля 2022 г.

К участию в Конкурсе приглашаются студенты бакалавриата и магистратуры очной и очно-заочной форм обучения российских и зарубежных высших учебных заведений.

Участие в Конкурсе бесплатное. Проезд до Москвы и обратно, проживание и питание оплачиваются участниками Конкурса самостоятельно. Общежитие для участников Конкурса не предоставляется.

Получить дополнительную информацию о Конкурсе можно:

• на официальном сайте ММКА www.ArbitrationMoot.ru;

• на официальном сайте Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) www.msal.ru;

• в группе «Модель международного коммерческого арбитража» в социальной сети Вконтакте – vk.com/mmka2022 и Facebook – facebook.com/mmka2020;

• обратившись к представителям Организационного комитета Конкурса:

Организационный комитет конкурса:
info@arbitrationmoot.ru,
+7 499 244-88-88 (доб. 586)

• Алимова Яна Олеговна:
YAOAlimova@msal.ru
(с темой письма «ММКА-2022»);
• Рубцова Василина Андреевна:
VARUBCOVA@msal.ru
(с темой письма «ММКА-2022»);
• Ратникова Влада Александровна:
mmka.msal@gmail.com
(с темой письма «ММКА-2022»).

Информационным партнером конкурса является Издание о международном арбитраже Arbitration.ru.

Baker McKenzie.

INTERNATIONAL ARBITRATION

YEARBOOK 2020-2021

We are pleased to announce that the latest edition of the Baker McKenzie International Arbitration Yearbook is now available. This new edition reviews important developments in arbitration over the past year across 47 jurisdictions.

https://www.bakermckenzie.com/en/insight/publications/2021/03/international-arbitration-yearbook-2021

Baker McKenzie.

MANSORS

Инфопартнеры

Arbitration.ru

RUSSIAN ARBITRATION ASSOCIATION

CIS Arbitration Forum

Russia- and CIS-related International Dispute Resolution

LAWFIRM.RU